

«Вставай под осеннее солнце!» Эдуард Багрицкий

Ж У Р Н А Л

№ 9 (53)

2013

Э Т О В

Монотипия Константина Кедрова.

ПОСЛЕ
ЛЕТА

ДООС — добровольное общество охраны стрекоз

Кристина Зейтунян-Белоус

ДОС

Париж, Франция

Осенняя соната

(акварель).

Сириусяне из Казантипа

Недавно 12-летняя школьница поведала в телевизоре, что она давно в контакте с «сириусянами». Девочка не знает, что Сириус звезда, а не планета. Она не виновата, что в школе астрономию отменили. Очаровательная дама экскурсовод сообщила нам, что в Казантипе собираются аж три группы уфологов, и все они напрямую связаны с некой «четвертой цивилизацией» этих самых сириусян. Из трех на прямой контакт вышла только одна группа. Собравшиеся отчетливо узрели, как прямо из скалы капища-святилища вышел молодой человек «в белых одеждах», а затем ушел обратно в скалу. С ДООСами ничего подобного в Казантипе не произошло, но зато на 5-ом фестивале «Славянские традиции» возле легендарного мыса Ольга Адрова получила медаль замечательного лирика Юрия Каплана, а Ольга Лебединская (ДООС – одуванчик) из Днепропетровска стала лауреатом в номинации «Стихи о любви». Кстати, на 4-ом фестивале Елена Кацюба получила медаль Бориса Гринченко (ураинского Даля) за создание палиндромических словарей (<http://slovart.narod.ru>). Константин Кедров, в прошлом году удостоенный медали философа Григория Сковороды, на этот раз получил медаль лауреата «За весомый вклад в развитие литературного процесса» и знак «Писательское братство». Ведь одна из главных славянских традиций – интернационализм. Слово абсолютно зря позабытое, и заменить его бесполой толерантностью не удастся. Да, в Казантипе на берегу Азовского моря пятый год в пансионате Ирины Силецкой собираются до двухсот и более авторов из России, Украины, Белоруссии, Германии, Австрии, Франции, Казахстана. ДООСов немерено: оса ДООСа Кира Сапгир (Париж), австрозавр Виктор Клыков (Вена), торозавр Андрей Торхов (Николаев), московские ДООСы – libellula Елена Кацюба, стихозавр Константин Кедров, рок-стрекоза Ольга Адрова стреказаелла Галина Мальцева, слонозавр Ольга Ильницкая... И друг ДООСа – создатель и душа этого праздника Ирина Силецкая (Москва-Прага). На семинарах баталии кипят не шуточные. Порою даже опрокидываются столы. Но зато стихи пишутся, да еще как! Геологи говорят, что в этих местах геологический разлом, и энергия прет не только от Сириуса с неба, но и прямо из-под земли. Подтверждаем – прет! Тому доказательство стихи, написанные здесь этим летом в преддверии сентября. Бывали здесь и поэты из «Золотого кольца России». Вот и соединились в этом номере поэты Золотого Кольца с поэтами из разных стран, притянулись к древнему Казантипу, сплелись воедино.

Елена Кацюба и Константин Кедров в ожидании сириусян в заповеднике Казантип. Фото Степана Мокроусова.

Прощались с летом

2-3

Константин Кедров

4

Кирилл Ковальджи, Александр Чернов

5

Надежда Агафонова

6-7

А. Ф. Лосев

8

Надежда Шляхова, Галина Якубовская

9

*Лариса Желенис, Мария Теплякова,
Сергей Борисов*

10

Наталья Орешкина, Наталья Малинина

11

Анна Лампасова, Елена Краснощечекова

12

*Александр Смирнов,
Екатерина Каргопольцева,
Дарьяна Лемтюжникова*

13

Сергей Уткин, Галина Якубовская

14

Валерий Мутин

15

*Дмитрий Белолипецкий,
Светлана Трагоцкая,
Дарьяна Лемтюжникова*

16

Ян Бруштейн, Нина Смирнова

17

*Татьяна Купреянова,
Дарьяна Лемтюжникова*

18

Ирина Манина, Анатолий Устьянцев

19

Евгений Гусев, Игорь Ревякин

20

*Владимир Миодушевский,
Татьяна Рослова*

21

Евгений Яночкин

22-23-24

Елена Кацюба, Яков Полонский

25

Дарья Глебова, Павел Грушко

26-27-28

Алина Витухновская

29

Виктор Клыкков, Ольга Адрова

30

Анатолий Кудрявицкий

31-32-33-34-35-36-37

Валерий Байдин, Сольми

38

Сергей Бирюков, Владимир Стерлигов

39-40-41

Михаил Бойко, Ольга Лебединская

42-43

Бруно Нивер

44

*Дмитрий Цесельчук,
Илья Семененко-Басин*

45

Марина Розанова

46-47

*Константин Кедров,
Елена Кацюба, Ирина Силецкая,
Евгений Степанов,
Александр Раткевич*

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Отсюда
В мир приходит тишина
Которую выбрасывают волны
Где вечность
Вечностью предрешена
И есть на всё твоя святая воля
И не моя моя вина
Когда на берег набежит волна
Но чувствую себя самим собой
Вот почему мне нравится прибой
Откуда ты уверенность берешься
Что ты уйдешь волной –
Волной вернешься

Кант и Луна

Кант и Луна
идут навстречу
друг другу
Кант и Луна
стремятся друг к другу
как Север к Югу
Кант и Луна
неразрывны
как пенье бельканто
Земля Луны –
это небо млечного Канта
Кант и Луна –
неизбежно это сближенье
Кант и Луна
отражаются в отраженье
Кант и Луна
и Сириус вместе с ними
Кант и Луна –
место встречи
всегда над ними

*

В обезбоженном мире
Ба – знакомые лица
В обезбоженном мире
Стало модно молиться

Формула Бога

Квадратный корень из нуля

Формула Души

Душа это я
на Линии мировых событий
13 миллиардов световых лет
делённые на срок моей жизни =
срок моей жизни
делённый
на 13 миллиардов световых лет

Физики и космологи!
Я прав.
Или требуются усложнения?
Поправки принимаются с благодарностью.
Теорему Пуанкаре-Перельмана
не предлагать –
уже доказана и принята во внимание

Судьба это лимис –
линия мировых событий
Минковского и Эйнштейна

Как циркач по канату
я иду по линии мировых событий
без страховки и без батута
«скакоша играя веселыми ногами»

Вечность это не выдумка
Это прострвремя
Минковского и Эйнштейна

От Солнца отделяется Земля
А от Земли рождается Луна
Весь этот СОЛНЦЕЗЕМЛЕЛУННЫЙ оборот
Меня пленит и за душу берет

Две команды: Вечность и Любовь
В Звездном поле Лунный мяч гоняют
Я болельщик и ловец голов –
Неприменно Вечность проиграет

Как по волнам слепого океана
Плывет скорлупка хрупкая – судьба
Так мы с тобой в неведомые страны
Плывем из неоткуда в никогда

*

Как хорошо что я не выпил Чашу
Луны давно лежавшей на боку
И изливавшей горечь и тоску
На всю Галактику и прямо в Душу нашу

*

Я давно потерял своё время
Оно превратилось в меня

*

В порядке мировом ужасно строгом
Который сам собой образовался
Бог позволяет каждому быть Богом
Но ненадолго – чтоб не зарывался

*

Само собой а не само собой
Всё не само собой а как-то вместе
И даже бой давным-давно не бой
Давно не бой а весть о новой вести

Вот почему взрывается вулкан

И страсть свою подземную наружит

А море продолжает свой канкан

И кружев пена головы нам кружит

Кирилл Ковальджи

ДООС – кириллозавр

Закончив дела и не споря
с моей сухопутной судьбой,
последние годы у моря
с самим я провёл бы собой.

И в солнце, и в дни непогоды
я стал бы у моря бродить,
чтоб все мои годы, все годы
додумать, довспомнить, забыть...

С МОРЕМ

Оскорбленный победами старости,
вижу: море встречает рассвет:
сколько лет – и ни капли усталости,
значит, знает какой-то секрет.

Я вхожу в его волны, пошатываясь,
но легко отрываюсь, плыву,
словно море дает провожатого,
увлекая в свою синеву.

– Нет секрета – напутствует ласково, –
от асфальта подальше держись
и почаще в волне ополаскивай
опаленную городом жизнь.

Только жизнь твоя – меньше грядущего,
мой урок может быть и не впрок:
срока нет у меня, неживущего,
у живущего всё-таки – срок.

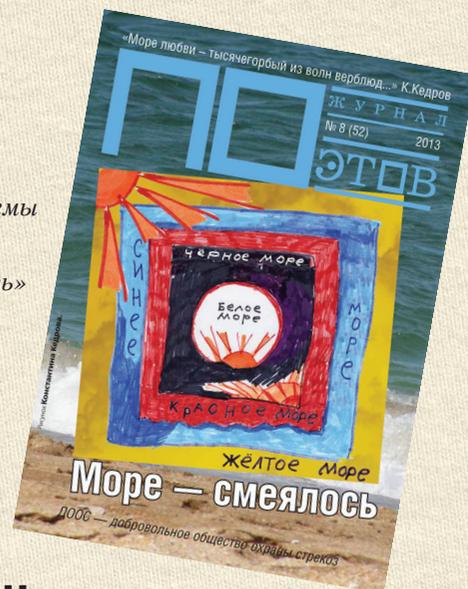
Но бессрочность со звездною свитою
я за час человека отдам,
я тебе, преходящий, завидую,
голове твоей, сердцу, губам.

...То ли выдумал речь, то ли выслушал,
благодарно взглянул в небеса,
руки-ноги на солнышке высушил,
дышат легкие, смотрят глаза....

Продолжение темы

№ 8, 2013 г.

«Море – смеялось»

Александр Чернов

ДООС – днепрозавр

Киев, Украина

МОРЕПЛАВАТЕЛЬ

1.
Бурей раскрашена бледная живность
из трансцендентных глубин,
где человек кислородную жидкость
долго руками лупил.
Сосредоточенной тырсою в торсе
греб пожилой волнорез –
возраст избыточный брасом не сбросить,
как нежелательный вес.
Вот и мотузил медузой сопливой,
сплетнями кафельных плит,
пене вставляя по самые сливы,
чтобы “на лысого” плыть.
Резко спортсмена покинула дева,
или давление – шланг.
Грезила за морем быть королевой.
Карла пока не нашла.
2.
Буйному – дурно, а вольному – больно.
Штилем державным закончилась буря.
Ярко-оранжевый тор волейбольный
плавает у пограничного буя.
Стройные женщины в ниточках топлесса –
вот безотказное средство от скуки,
чувствую, как испаряются комплексы
вместе с желанием взять себя в руки.
В рай возвратившийся из эмиграции,
невозмутим, как из сплавов и стали.
Надо же было мне так расстараться,
чтобы изгнали...

Феодосия, 23 августа 2013 г.

Фото Константина Кедрова.

Надежда Агафонова

Николаев, Украина

Из пункта А в пункт Б
Двигалось твоё слово.
Плыло по морю синему.
Я вышла ему навстречу,
Не умея ходить по воде.
Врачи собрали консилиум.
Констатировали несчастный
случай:
В девятый раз... за утро.
Пе-ре-бор.

Это
Всего лишь
Наш разговор.
Мучаясь, часики слушали.

Тикали-тикали-ти...
Доживи
Со мной век минутный!
Пауз твоих откровение – кома,
Проваливаюсь в неё –
в истому
Невесомого промежутка
Между надеждой и верой.
Невысказанности химера –
Океанское тёмное дно.
(Или свет из небесной
сферы?)
Читаю в шорохах:
«Запрещено» – категорически!
Плавать». И всё же
Слова, как буи,
Оставляю на милость вчера.
Пробиваю кости и кожу.
Рождаюсь
Из твоего ребра,

Точно из пены морской.
Непохожая
Ни на Еву,
Ни на прапрапра-Афродиту.
Карта, тобою битая.
Дама с глазами «ню».
В утреннем ритм-энд-б«лю» –
Зе – трещина в твоём шлюзе:
Сочится сплошное «лю».
Впадает в меня, как
в вечность.
Сплю
В отражении твоих глаз
В царстве
Усталого Посейдона.
Пожалуйста,
Научись –
На десятый раз! –
Искусственному дыханию

Алексей Федорович Лосев
(1993-2013)

У снегов Эльбруса

И Тегенекли, и Терскол
Поникли в сумраке долины:
Двугорбый кличет нас Престол
На поклоненье из низины.

Тропую узкой и крутой
Над темно-бронзовую мглюю
Манит твой сумрачный покой,
Эльбрус, во сретенье с тобою.

Растет бездонная тоска
Ущелья, никнущего слева,
Чем больше ризница близка
Скитов растерзанного гнева.

Гудит пустая муть очей
Коричнево-глубинной дали,
Растущих бездн и пропастей
Сверкают черные скрижали.

И страсть, и хлад, и тошнота,
И взмыв, и ник, и иступленье,
И дрожь, и счастье, и мечта
И в голове и звон, и мленье –

Обуревают хищно дух,
Для жертв зовя испепелиться,
Лишь ты налево взглянешь вдруг,
Страшись, всходя, не оступиться.

Но что направо? Взлет и взмыв,
Оцепеневший от неволи.
Немотно-злобствующий срыв
Юно-весенне-зрящей боли.

В немую синь и в пурпур жил
Бледно-оранжевых раздраний
Здесь Бог когда-то претворил
Лазурность трепетных взысканий.

Но взглянь еще налево, – вдаль, –
Где за ущельем высь вихрится,
Где бледно-струйная печаль
И серебро-дымно кряж змеится.

Здесь сам Кавказских гор хребет
Темно свинцовой вьется мглюю,
В недвижность судорог одет
И злобно-синей полон тьмою.

Здесь светло-темных бурь излом
Окоченел в смарагдных корчах,
И дымно-гневный небосклон
Взволнован в тускло-буйных клочьях.

Здесь крутобоких пик мятеж,
Златисто-блеклые вершины,
Седых хребтов немой кортеж
Бездумно-сребренные льдины.

Здесь траур мировых держав,
Вселенских пасмурность курганов,
И космы гневно-черных глав
Туманно-буйных истуканов.

Здесь мстящих туч застывший гром
И столп вселикого проклятья.
Здесь снеговерхий бурелом
И лед премирного заклатья.
Здесь сумереки алых бурь
Рыдают в палевых туманах,
Массивных судорог лазурь
Грустит извивно
в горных станах.

23 сентября 2013 г.
 исполнилось 120 лет со дня
 рождения великого русского
 философа А.Ф.Лосева.
 Стихи для публикации
 предоставила доктор
 филологических наук Аза
 Алибековна Тахо-Годи.

Здесь люто-стремь
 бытийных волн
 Лилово-черной непогоды,
 И яро-движью космос полн
 Во страстнотерпной мгле свободы.

Но вот и Эльбрус засиял
 На повороте дебри тенной
 И серебристо засверкал
 Во мгле беззвучной и нетленной.

Пустынных слав и звон, и рев,
 Сувооокое сиянье
 И перламутровый покров,
 Заткавший синее зиянье,

И торжество сапфирных льдов,
 Веселье царственных лазурей
 Под солнцем беловойный зов,
 Венец лилово-дымных хмурей.

И огненосный сонм побед
 В эмально-жертвенных чертогах,
 В разрыве бурь немой обет
 На солнце-лиственных дорогах, –

О, здесь торжественный покой
 Всемирственного благородства,
 Самодавления мощь и строй
 И жребий в небе первородства!

Не мни, однако, путник мой,
 Наивных грез о, друг привычный,
 Перевести Эльбрус святой
 На свой язык, для всех обычный.

Сей проблеск сущных бездн –
 угрюм
 И люто, и дик, и бесполезен,
 В голубизне массивных дум
 И всемогущ, и всеблаженен.

Сей недр существенных разрыв
 Восстал наивно и бездушно,

Как светлых душ и казнь,
 и взрыв,
 Испепеленных равнодушно.

Сей отсвет жертвенных глубин,
 Пустынно-меркнувших печалей,
 Сей необорный исполин
 Загубленно-тревожных далей,

Сей перламутр, сапфир, лазурь,
 Эмаль, лиловость, беловойность.
 И льдистый бред, и омут бурь,
 И парчевая ало-снежность, –

О, все взвилось тут в ночь невзгод
 Из плоти трепетных созданий,
 Замерзшей в девственный сугроб
 Среди эфирных злых лобзаний.

Пухово-бархатных снегов,
 Суровых светов грусть немая
 Сверлит о гибели веков
 И об изгнании из рая.

Здесь кто-то жребий мук приял,
 И слышен чей-то стон унылый.
 Здесь кто-то плакал и рыдал
 И проклинал перед могилой.

Очей тут мнится муть и хлад,
 Оргийно издавна сверкавший, –
 Горгоны иступленный взгляд,
 Всех в камень древле
 претворявший.

Но – нет, теперь уж никого,
 О стародавнем все забыто.
 И - только хладное серебро
 Очам испуганным открыто.

Сияет пурпур на заре
 Пустынно-льдиного титана.
 Мрачатся бурями во мгле
 При вьюге очи истукана...

И простота, и юность лет,
 Гостеприимная прозрачность,
 И светлый, радостный привет,
 И примирившаяся ясность...

И торжество, и гул побед,
 И мягко-мудрые седины,
 И мощь, и снеговертый свет
 В лазури солнечной пучины...

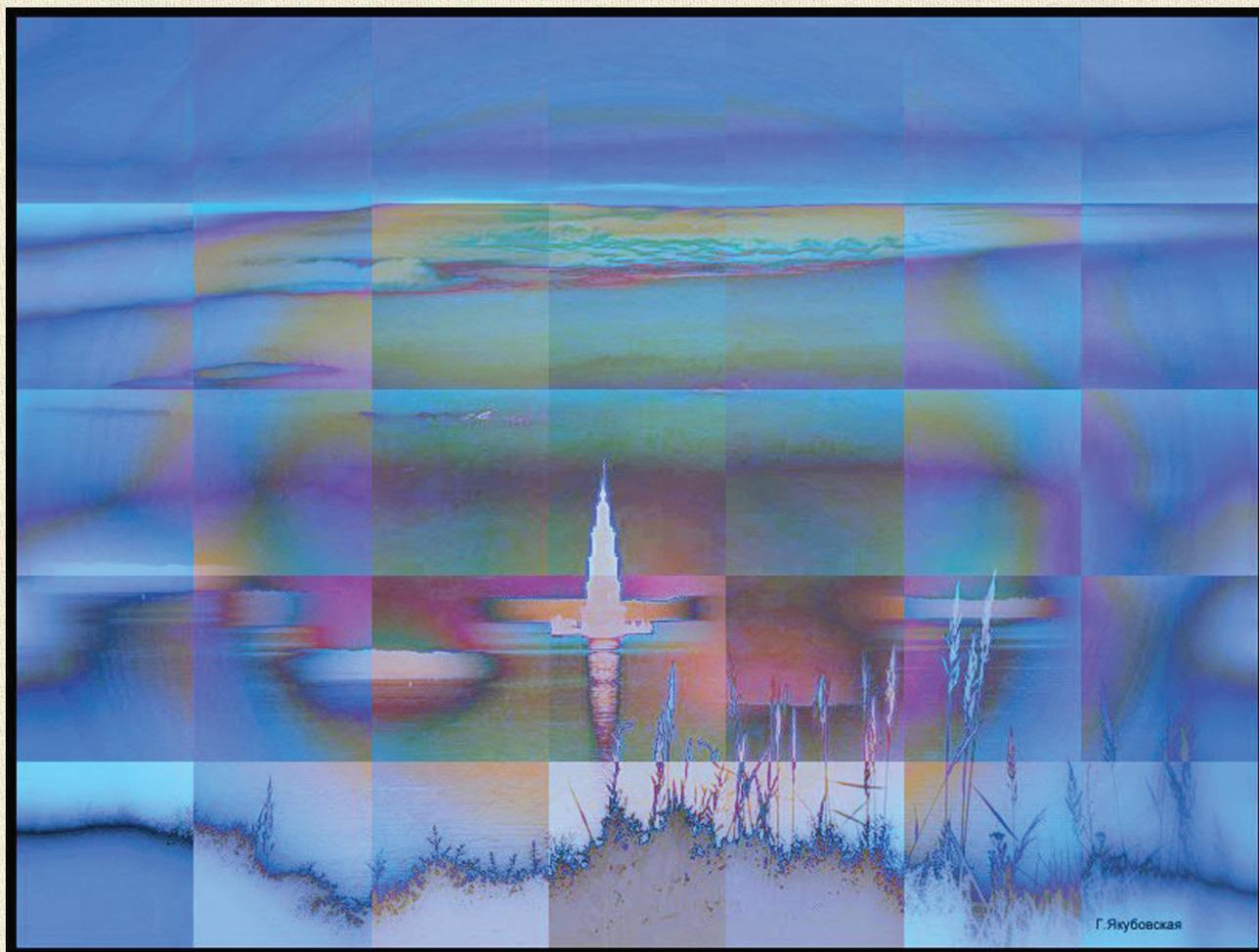
Эльбрус – незлобив и любим,
 Наивен, мил и беспорочен,
 Общедоступен, изучим,
 Ничем земным неозабочен...

Вот, вот – Эльбрус святой,
 Он, тайна плоти изнемогшей
 И слав нетленных глубиной
 Немых печалей слово родшей.

5-10 января 1942 года

А.Ф.Лосев (справа)
 в Белбалтлаге.

Галина Якубовская. «Озеро памяти» (компьютерная графика).

Надежда Шляхова

Сергиев Посад

Русь. XIV век

Шагом. В рысь. Галопом грузным.
Чоки-чоки, ай-люли! –
Это тверичи на Суздаль
За добычею пошли.

Полыхает край родимый,
Пламя мечется в ночи.
Это снова на Владимир
Ополчились москвичи.

Беспощадно, вероломно –
Князь на князя, хоть ты плачь!
Угличане – на Коломну,
Ростовчане – на Киржач.

В поймах стелются туманы,
Ходят тени по воде,
Меж собой дерутся ханы
В раззолоченной Орде.

А тебе, дружок, баюкать,
Примостившись на суку,
Покалеченную руку
Да сиротскую тоску.

В кроне спрятавшись, унять бы
Боль, отчаянье и дрожь –
Заживет рука до свадьбы,
Коль до свадьбы доживешь.

Оглянись! Мы – рядом, рыжий.
Ну, всего-то семь веков...
Оттого и знаем – выжил
И от кметей был таков.

То не сердца перебой,
Не гроза на небеси,
Это встало за тобою
Все грядущее Руси,

И хранит – от острой пики,
От меча и кистеня,
Чтоб в церквах светились лики
Тайной вечного огня,

Чтоб горячим ритмом пульса,
А не смертью от клинка
К нам художник дотянулся
Через темные века,

Чтобы шли живые соки:
Ярких красок, дивных слов,
Чтоб вырос ты высоким,
Богомаз Андрей Рублев.

Эх, вот так бы и сегодня
Взмахом легкого крыла
Мастеров рука Господня,
Словно душу, берегла.

Лариса Желенис

Ярославль

**Чтобы слёзы
счастливые плыли**

О пропавшем, единственном сыне
мать пришла к колдуну погадать.
Молча гуща кофейная стынет,
как сургучной печали печать.
Руки тянут тесёмку простую,
и испуганной стайкою птиц
разлетаются письма, целуют
лишь морщинки сухих половиц...
«Ты смешай мне, колдун, горький ветер
с нежным запахом стойких берёз –
может, духи дурмана ответят,
долго ль пить мне настойку из слёз?
Если выжил мой сын в лютой бойне –
как лекарство, разлуку приму.
Если сгинул – то сердце ты вскрой мне,
душу выпусти в небо, к нему!»
И открыл ей колдун царство Мёртвых
в зеркалах, в отраженьях кривых
сплёл виденья из трав перетёртых,
чтобы встретила мать всех живых.
Средь мелькающих лиц было тесно,
не узнала в них сына она.
«Видно, носится он бестелесно», –
заскрипели слова колдуна.
– Кем же – облаком, ветром, рекою?
– Если встретишь – узнаешь сама.
И легла необъятной тоскою
на душе, как за окнами, тьма.
Мать ушла за порог невесомо,
словно тень. Ночью сбилась с пути...
Ей за тридевять вёсен от дома
посчастливилось сына найти.
Выбиралась из чащи однажды,
смотрит – бродит в лесу ручеёк.
Наклонилась к нему и сквозь жажду
будто слышит, как шепчет сынок:
«Мама, мама, сбылась наша встреча –
добежал я к тебе через сны!»
И расправились женские плечи,
словно крылья парящей сосны.
И тогда потянулась всем телом
мать с одной мольбой к небесам:
«Отдыхать бы сосной я хотела
у ручья, быть подругой лесам,
бед не знать, слушать сказки и были,
пусть журчит мой сынок удалой,
чтобы слёзы счастливые плыли
меж морщин золотистой смолой!..»

Мария Теплякова

Суздаль

У Лены дочь печальная синичка
Сестра травы шиповника ромашек
Ты чудо чадо так поёт ей мама
Тебя малыш никто не отнимает

У Лены сын воробышек Арсений
Он ангелочка видит под кроватью
Он гладит кошку возле самой печки
И с кошкой запускает паровозик

И Лена смотрит в небо не прищурясь
А небо смотрит в Лену облаками
Растёт трава над речкой на пригорке
Целует ноги шепчет аллилуйя

И всё земное видится красивым
И ветхий мостик над водой прозрачной
И тишина колышима ветром
И купола готовые к полету

Избушки выбегают на пригорок
И замирают перед небесами
А небеса горят во славу Божью
И жить легко и умирать не страшно

И всё так хорошо как только в детстве
Проснешься в солнцем залитой кровати
А мама кормит птичку на ладони
А Бог её светящуюся любит

Картина **Сергея Борисова** (холст, масло).

Наталья Орешкина

Суздаль

Господи!
Сил нет к Тебе обратиться...
Я – как бескрылая птица
На острове...

Можно ли,
Чтоб Ты не стёр наши грешные лица,
Чтоб мы однажды в твоей деснице
Ожили?

Милостив
Буди мне, павшему в самое дно –
Я и вымаливаю одно:
Милости.

Не таясь,
Обиваю Твои пороги,
Так – посеянное при дороге –
Это я...

Подняв к подбородку ворот,
Наверное, ходишь в пальто...
Хотелось сказать не то:
Я очень люблю твой город.

Осенней ступая дорогой,
Наверное, никнешь плечом...
Хотелось спросить ещё:
О мне ли твоя тревога?

Наверное, стая кружится
Над бедной твоей головой...
Хотелось сказать: с тобой
Я очень люблю, когда птицы.

Как тень с твоего порога,
Наверно, кажусь я из дней...
Хотелось сказать родней:
Ты помнишь меня немного?

Наталья Малинина

Ярославль

Beethoven. Largo Appassionato

Это не мой закат догорает теперь в полнеба –
Это твои глаза мне его рисуют.
Мне бы нырнуть в него серебристой нерпой,
Так, чтобы ты меня не любил впустую.

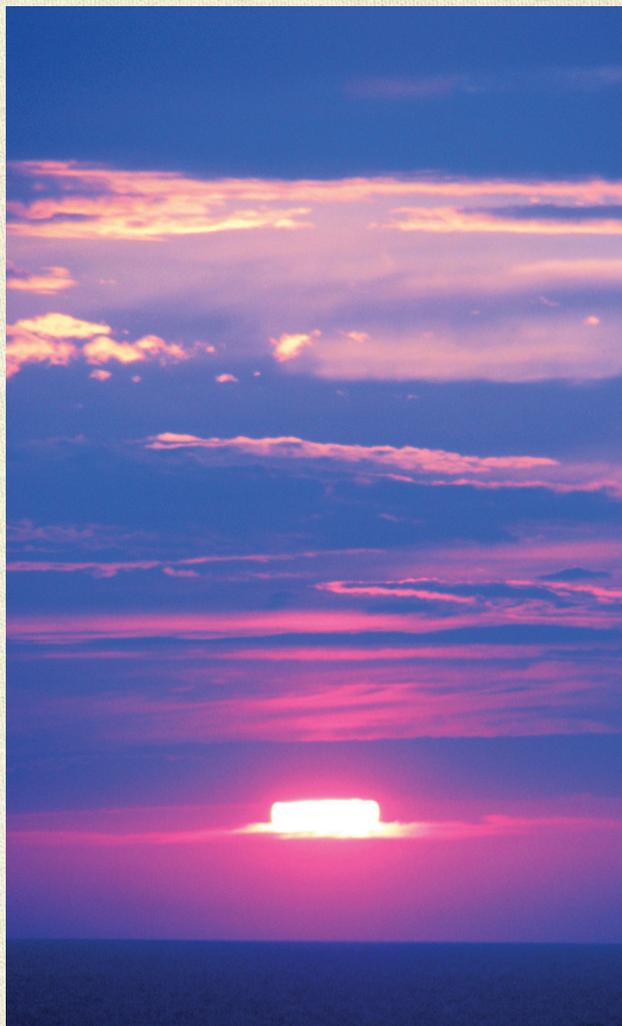
Страшно, когда болит не в одно, в два сердца –
Брось меня, милый, это, пойми, так надо!
Мы с тобой параллельны, как эти рельсы –
Я погибаю, я – город, в твоей осаде.

Ты меня подменяешь, пойми, собою!
Ты мою тень ворует – без тени странно!
Ты вытесняешь меня – из меня – без боя.
Память о наших жизнях – сплошная рана.

– Нам – близнецам сиаемским делиться на два?
– Если душа одна – то куда ей деться?
Вижу в глазах твоих ужас и боль разлада –
И заматились в клетке мои два сердца.

...Это не мой закат зацветает теперь в полнеба.
Это твоя любовь для меня рисует.
Ты расплескался в нём серебристой нерпой,
И не стираю брызг по всему лицу я...

Фото Елены Кацубы.

Елена Краснощеклова
«Жемчужина души» (холст, масло).

Анна Лампасова

Иваново

Видение

Он встретил нимфу в золоте июня,
Когда сплеталось кружево лучей.
Она сияла нежностью подлунной,
Сандалом пахла страсть её плечей.

Она не говорила, а шептала
Слова, в которых серебрился снег,
И каждым вдохом трепетно играла,
Касаясь пламенных уставших век.

«Ты так красива в сумраке сирени», –
Он повторял в ночи, едва дыша.
Он стал её немой тоскливой тенью,
В которой тихо таяла душа.

Ловил губами лепестки на платье
И розы хоронил в святой воде.
Он верил – в нимфе воплотилось счастье,
Которое подвластно лишь судьбе.

Но вмиг, когда с небес упали звёзды,
И жемчугом рассыпалась луна,
Незримой став и превратившись в слёзы,
Балладой красоты ушла она.

Исчезла, прошептав, что снилось чудо,
Любовь в мечтаниях – ещё не быль.
Так бабочка, сгорев, разносит всюду
Волшебную пронзительную пыль.

Александр Смирнов

Ярославль

БАШНЯ

Высокая башня. Ни входа, ни выхода. Обволакивающая темнота, едва различимы контуры предметов. Затхлый воздух. Уходящая в черноту лестница нависает над головой ирреальным чудищем. Гулко раздаются во тьме шаги по старым заржавленным ступеням лестницы. От долгого восхождения вверх сводит ноги. Но вот где-то наверху появился заглушённый толщей тьмы лучик света. Стремление достичь этого света, стремление выбраться из мрака притупляет усталость.

Залитая солнечным светом терраса на самом верху башни. Вокруг башни простирается голая, бесплодная равнина, в отдалении блестит узенькая полоска моря, притягивающая к себе уставший разум. Но до земли – километры пустого пространства, и в свете умирающего дня возникает щемящее чувство безнадежности и бессилия от осознания невозможности вырваться отсюда.

Дарьяна Лемтюжникова
«Шлем» (смешанная техника).

Екатерина Каргопольцева

Шарья, Костромская область

В парке

Казалось, не было храбрей
Среди задумчивых прохожих
Обычной стаи голубей
В сплетеньях тропок и дорожек.

Как любопытно и легко,
Душою каждому доверясь,
Клевали птицы хлебный корм
И возле ног волчком вертелись!

Случайный вихрь-веретено...
И ничего не понимая,
В испуге, съёжившись в пятно,
Взлетела шумно птичья стая;

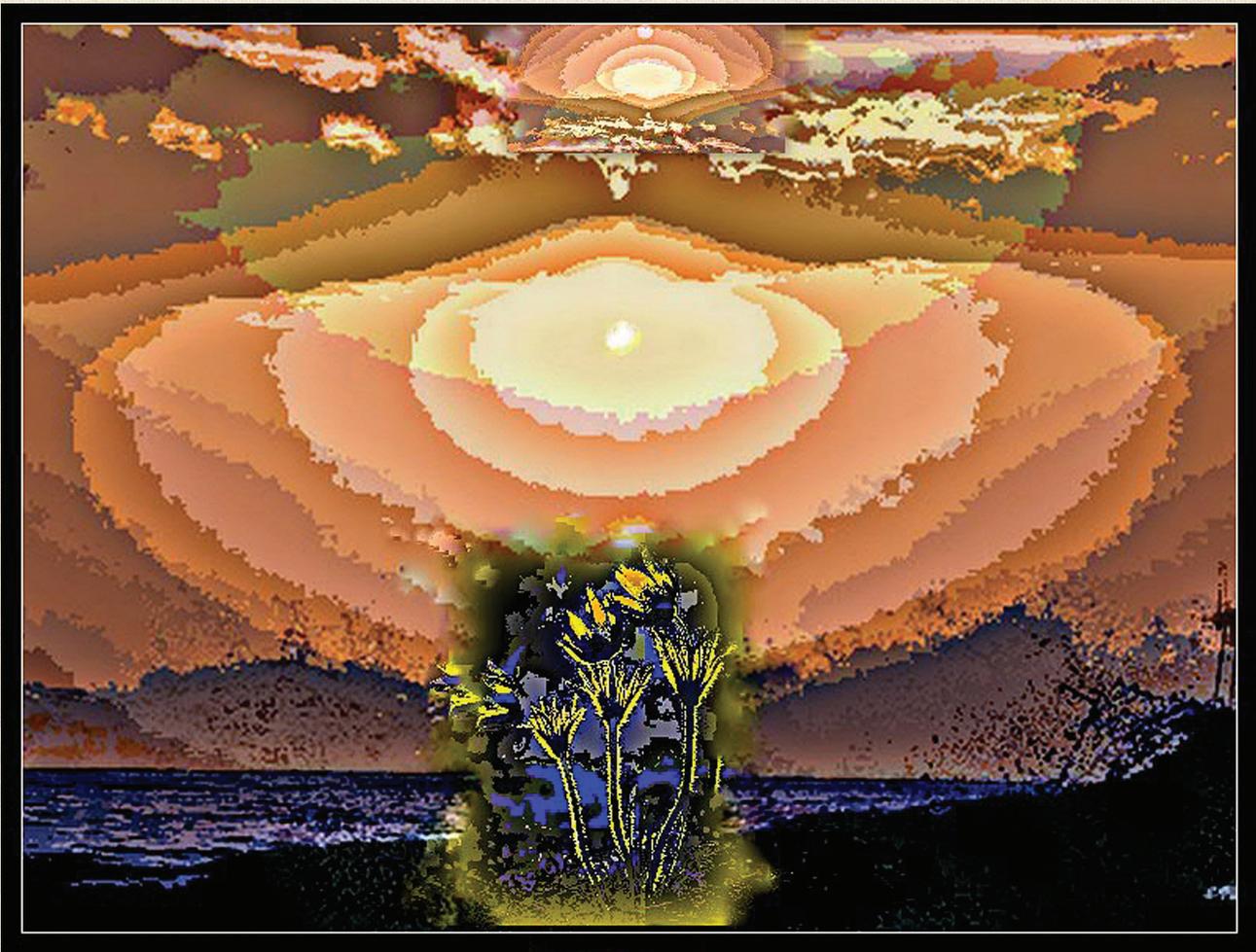
Но всполошившись разом,
вдруг,
Над пляской листьев омертвевших
Неровный сделав полукруг,
На мостовую тихо села...

Фонарь висит, как блёклая заплата...
Полночный дождь,
сорвавшись с облаков,
Размыл дороги и чудаковато
Свёл очертанья каменных домов.

И за стеной шумящего потока
Непредсказуемой осенней суеты
Не угадать, в каком из мокрых окон
Ещё не спят под игом темноты.

Сентябрь. Дожди. Тускнеющая осень...
Как долго будет хворь и кутерьма?
Ответа нет, как смысла нет в вопросе –
Всё это кончится, когда придёт зима...

Какое странное смиренье!
Всё успокоилось и ждёт,
Что скоро в срок произойдёт
Земли уставшей обновленье...

Компьютерная графика Галины Якубовской.

Сергей Уткин

Кострома

Высокие чувства, упавшие оземь,
Легко разбиваются, падают в тлен.
И долго потом человек ещё носит
Обломков разбитых торжественный плен.

И кажется он себе верностью честной,
И режут осколки – боль гонит его,
И катится смех голышом в поднебесной,
Что нет ни любви, ни его, ничего!

Жарко так, что хочется отречься от Солнца.
На раскатившейся возле собора площади
Бронзово гарцует сделанный смертью бывшим император,
И нависает копыто коня его судьбой страны над твоей головой –
Ты смутно отшатываешься, замечаешь себя на набережной,
На гранит которой тебя толкает ветер,
Как толкают на жизнь.
И ты счастлив всё ещё длиться.

Средь учебных людей шёл я в осень,
Проходя средь учёных окон
Института, где все себя носят,
Как и я прежним длинным сроком.

Мне хотелось прожить во всю веру
Там, где жили во всю улыбку,
Во всю похоть и во всю скверну –
Я всегда жил средь них так зыбко.

У меня не выходит их радость:
Я всегда не умел веселья:
Я умел только правду и старость.
Счастлив тем, что умел досель я.

Валерий Мутин

Пречистое, Ярославская область

Осенний пейзаж

Лето прошло. Обезлюдил мой дом.
Сад убаюкала осень.
Дремлет берёза над стылым прудом.
Чьё-то гнездо на берёзе.

Было – деревья и травы шли в рост,
Рожь за селом колосилась...
В этом гнезде не сорока, не дрозд –
Чайка морская гнездилась.

Что её в наши края занесло? –
Случай?.. бескормица?.. горе?..
Чайка птенцов подняла на крыло
И улетела за море.

Больше ничто здесь не радует глаз.
Стынут одни на морозе:
Дом без гостей, неприветливый сад,
Чьё-то гнездо на берёзе.

Есть разбег, но нет полёта.
Ветер зря крылом ловлю.
Не везёт сегодня что-то
Молодому журавлю.

До седьмого бьюсь я пота –
Высота не по плечу...
Пусть сегодня нет полёта,
Завтра – точно полечу.

Река горемыка

Воду пью, на коленях стою
На лугу, где цветёт повилика,
Где в лесном непробудном краю
Заблудилась река Горемыка.

Сквозь большие снега, сквозь года,
Начинаясь на дальнем кордоне,
Пробивается к людям вода,
ЧТОБЫ ВОЛГОЙ
ПРОЛИТЬСЯ
В ЛАДОНИ.

Дмитрий Белолопещкий

Суздаль

Я не знаю колыбельных,
Я не знаю песен древних,
Спят мои донечки.
Дал Бог мне осеннюю,
Дал Бог мне весеннюю,
Птенчиков крошечных.

Спят в колыбели деточки малые,
Птицы поют песни небесные,
Травы росой словно в бубенчики,
Клёнами алыми небо окрасилось.

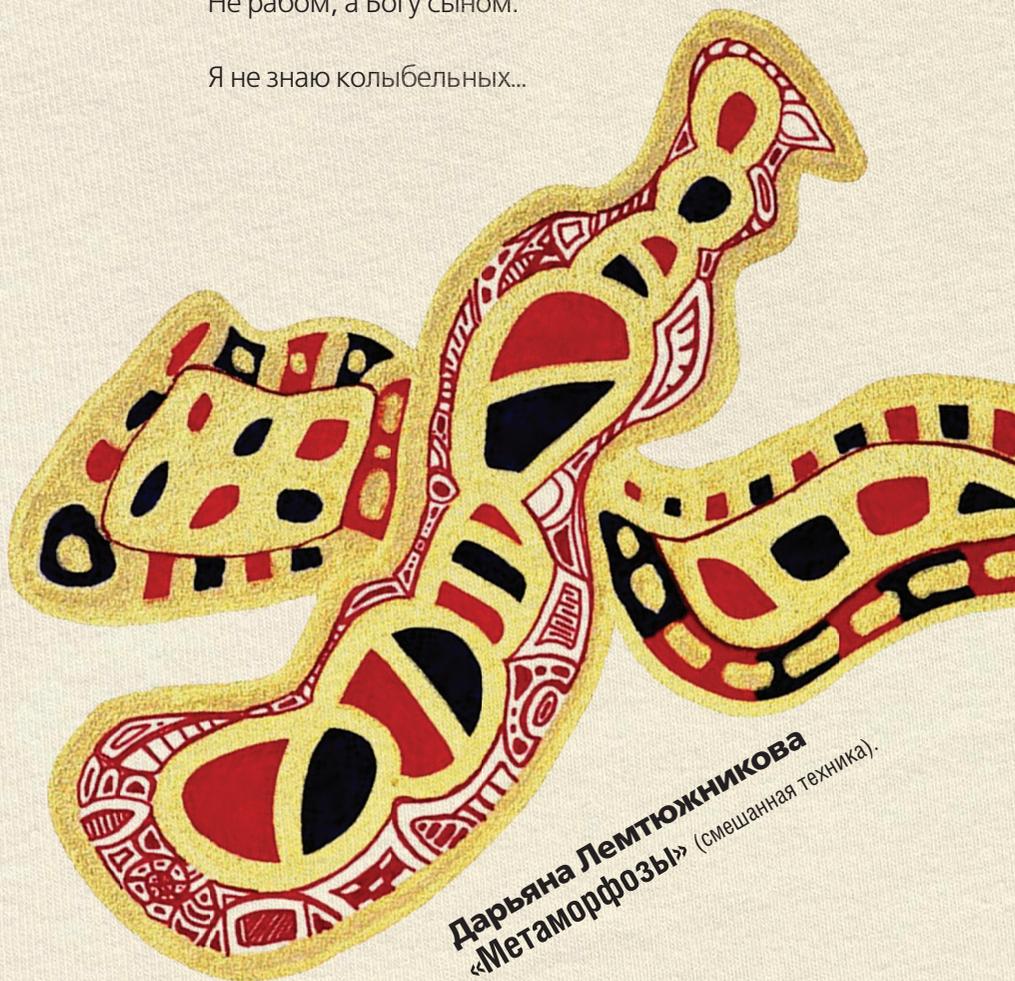
За меня споют вам колыбельные,
За меня споют, слов я не ведаю,
За меня споют дожди и ветры вам,
За меня споют воды весенние.

Осень просеяла одну во спасение,
Расти, росток, к небу белому,
А втору весна, в радость родила
Для солнца, в лето рождение.

Научусь смотреть на солнце,
Чтобы быть мне с вами рядом.
Быть слепому мне не страшно,
Мне другого и не надо.

Растопить все камни в сердце
Божьим светом, детским смехом.
Пусть слепым, но быть любимым,
Не рабом, а Богу сыном.

Я не знаю колыбельных...

Дарьяна Лемтюжникова
«Метаморфозы» (смешанная техника).

Светлана Трагоцкая

Вязьма

Развернись, сарафан златокрылый,
во всю ширь, во всю стать, во всю прыть.
И в суровые годы России
пряли бабы суровую нить.
Вот в таком домотканом наряде
в церковь шла многодетная мать.
Сарафан – широта та, что надо –
можно поле холстиной устлать!
Ой ты, милый, кудрявый, желанный,
на гармошке играй веселей!
Плыли девы в цветных сарафанах
среди радуг, лугов и полей.
Все румяные, словно матрёшки,
хороводы вели без конца...

Русский сарафан

Не одна ликовала гармошка –
выбирай по душе молодца!
А какие частушки певали!
И платочки взлетали из рук!
Наша бабушка старую стала,
сарафан свой сложила в сундук.
Мать моя сарафан примеряла,
говорила: ах, мне бы сплясать!
заросли деревеньки бурьяном,
и гармошки давно не слышать.
Не услышишь веселой частушки,
молодые теперь в городах...
В деревеньке расскажет старушка
о былых хороводных годах!

Алла Бакланова
«На пороге осени» (холст, масло).

Ян Бруштейн

Иваново

Простое

У травы не бывает души,
Только божие слезы сушить,
Только ангел с крылом отсеченным
Засыпает на ней обреченно,
Облегченно, и сонная вязь
Оплетает его не таясь.
В диком небе – посланников стая...
И крыло не болит, отрастая.
Перья будут легки, хороши...
Ангел просто живет, без души.

Травы больше не вспомнят его.
Вот он, там, где летит большинство...
И звучит на неслышимой ноте,
Голубь, жаворонок, самолётик.

.....

Нина Смирнова

Калуга

Сон бабочки

Уснула бабочка...
А, может, умерла...
Не трогаю...
Боюсь ее будить...
Какая песня в вечность отошла!
Но мне приятно в мыслях длить и длить
полет ее,
биенье легких крыл,
стремление всегда лететь на свет...
Полет ее мне истину открыл,
что без мечты о свете
жизни нет!

А, может,
оживет она весной?! –
Крыла мои
трепещут за спиной!

Задумываясь о прошлом,
листаю страницы будущего
и нахожу непознанное,
возвращаюсь в прошлое,
переделываю свою жизнь в настоящем
и обретаю уверенность в том,
что иду правильным путем...

Листаю страницы будущего,
чтобы к этому будущему
прийти через настоящее,
обретая покой и волю...

Этот звон, постоянно летящий,
этот шмель, неустанно гудящий
над простым древне-русским цветком...
Этот путь, в тишину уводящий,
этот взгляд, даже в солнце знобящий,
что до боли и так уж знаком...

По траве –
до любви –
босиком!

Татьяна Купреянова

Суздаль

Благодарю тебя за эту встречу.
Над городом моим
такое небо,
И облака ложатся мне на плечи,
Как крылья. И туманом белым
Меня окутывает белый вечер.

И свод небесный горячей и ближе
У изголовья – Млечная Дорога
И мной одно-единственное движет:
Врасти в сиянье Звёздного Чертога.

Моя в тебя незыблемая вера
Любовь вдохнула в хрупкую надежду,
Переросла внезапную потерю,
И встреча наша стала неизбежной.

А в голосе твоём такая нежность.
Угасли звуки шума городского,
В глазах твоих – вселенская безбрежность,
В моих – неизрекаемое слово.

Любовь

*...Я понял те слёзы, я понял те муки,
Где слово немеет, где царствуют звуки...*

А.Фет

...Теперь -то я знаю! – я понял, что понят:
Я видел, о ком твои очи мечтали,
И – вижу, о ком они всё ещё помнят,
И – знаю, что нет ни конца, ни начала
у радости! –
нет в ней ни рабства, ни
власти, –
Есть миг неделимый
на вечность и время! –
Его называют глаза твои –
счастье, –
Уста твои –
бремя.
Священная пытка, блаженная мука,
Зовётся она сокровенным желаньем,
Его называет душа моя – звуком,

А сердце – призываньем.
...И – если бессильны слова, –
безупречно
Иное, – иному названья не надо, –
Его называют уста мои –
речью
Лучистого взгляда.

Дарьяна Лемтюжникова

«Птица Гамаюн» (смешанная техника).

Ирина Манина

Шарья, Костромская область

Вы не верьте поэту на слово.
Он украсить готов ни за грош,
Он, страдая, смеется счастливо,
Но с блаженного, что возьмешь?

Позаламывать руки сложно ли?
Но чернила в кровь обратить...
Это сможете? Если сможете,
То поймете, как больно любить...

Апельсиновый «Титаник»

Невиданное приключенье:
Над апельсиновой трубой
Летит протяжное гуденье:
«Полундра! Есть ли кто живой?»
Слов исковерканная запись,
Как краска не легла на холст:
Мазки штриховкой – сикось накось –
И апельсин спектрально пестр.
Дождем подмоченная корка,
Ноздрей разбухших долгий «Хлюп»,
И сладость пальцев с солью горькой
Платка спасает белый шлюп.

Страдание

Мой вечер оказался пуст,
Как перевернутая банка в мойке.
Отчаяние сомкнутых уст
Забросило меня на койку.
В прохладной тени тишины,
Упавшей от кривого стула,
Я прячу объявление войны...
В тетради лист перевернула.
Ухмылку дарит первый слог,
Родившийся из синей точки.
Немого мира диалог...
Закончу красным вензелечком.
Мой вечер оказался пуст.
Квартиры опустевшей мерю стены.
Любовь ты приторна на вкус,
Добавишь горечи измены?

Дыша степными травами,
Сминая рукава...
Не думала, что пьяными
Вдруг станут те слова.
Разбитыми затворами
Стучат ворота в такт.
Быть на расправу скорыми -
Мы можем только так.

Анатолий Устьянцев

Тверь

Пока сентябрь оплакивает лето
Ушедшее, и нет ему исхода,
Падет листва одной шестой планеты,
И кучевую накипь небосвода
Однажды кочевой разгонит ветер,
И взгляд до горизонта распрямится,
И – острое: пожить еще на свете! –
Желание
врасплох застанет лица.

Листву осыпающий и, засыпающий, лес.
Остудень реки, и небес полукруглая рама.
Где, если не Рай, то какой-нибудь есть райсобес. –
Теперь эту раму там моет покойная мама.

А я этот слоган из детства бубню по слогам,
Порядок вещей на ее неподъемной могиле
Пытаясь постигнуть. И мокрые льнут к сапогам
Согласные-гласные, чтобы их тут не забыли.

Есть фишка на грани рассудка: «уже никогда»...
И ты понимаешь, кто праведен в этом раскладе.
Стекает по стеклам – все чище и чище – вода
И капает сверху, в моей расплываясь тетради.

Евгений Гусев

Ярославль

КАРАБИХА – 13

*Когда Кадо бежит опушкой леса
И глухаря нечаянно спугнёт,
На всём скаку остановлю Черкеса,
Спушу курок, и птица упадёт.
Н.А.Некрасов*

И снова первая суббота
Июля... Тихо, чуть дыша,
Вхожу в музейные ворота,
Листком исписанным шурша.

Брожу по залам и по зальцам,
Сам экскурсант себе и гид...
Вот дед Мазай на помощь зайцам
На утлой лодочке спешит.

Вода от края и до края –
Вселенский, так сказать, потоп.
А вот крестьянка молодая
Легко и ловко вяжет сноп.

А вот несжатая полоска,
Но не видать нигде жнецов.
Шумят колосья цвета воска,
Маня к себе стрижей, скворцов.

А вот крестьянские детишки
Вокруг учителя... А вот -
Сам с ноготок, малец - дровишки
Домой на лошади везёт.

А вот усталой бечевою
Идут вдоль Волги рыбаки.
А вот над самую воду
Летят на выстрел кулики.

Кадо «поднял» пяток бекасов...
А это кто, худой на вид?
Неужто – он? Ну да – Некрасов,
На Волгу пристально глядит.

В глазах его тоска, забота,
Печаль о милой стороне...
В июне первая суббота
Всегда волнует сердце мне.

Игорь Ревякин специально для ПО.

ЯЗЫКОМ ПРЕДКОВ

Дьяк дольный днесь, испив немало,
Аще презрела пенник чадь,
Взяш корд, корзно, зашед в кружало,
Зело сломаша исполать.

Фиал да сулею денницей
Тиун купиша, и систрень
Пришед ко послуху, десницей
Зане выказывал кистень!..

Архаический словарь

Дьяк – должностное лицо, выполняющее секретарские обязанности. *Дольный* – мирской, низменный, греховный. *Днесь* – ныне, сегодня. *Аще* – хотя. *Презреть* – возненавидеть. *Пенник* – крепкое хлебное пиво. *Чадь* – члены семьи, дети. *Корд* – кинжал. *Корзно* – род плаща, накидка. *Кружало* – кабак. *Зело* – очень. *Исполать* – слава, положение. *Фиал* – кубок, фужер. *Сулея* – бутылка, фляга. *Денница* – утренняя заря. *Тиун* – судья, опричник. *Систрень* – навстречу. *Послух* – свидетель. *Десница* – правая рука. *Зане* – почему-то. *Казать кистень* – демонстрировать силу.

Владимир Миодушевский

Владимир

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Весело скачет
Солнечный зайчик.
Огненный лучик,
Круглый, как мячик.

В окнах маячит,
Плещется в луже.
– Солнечный зайчик,
Где твои уши?

КАК ХОРОШО!

Покрыто небо облаками,
И дождик льёт, как из трубы...
И люди бродят под зонтами,
Как разноцветные грибы.

У нашей мамы на макушке
Непромокаемый пакет –
Для сохраненья завитушек
Причёски новой он надет.

А я иду, не закрываясь,
В дождинках тёплых я плыву...
И просто так всем улыбаюсь,
Как хорошо, что я живу!

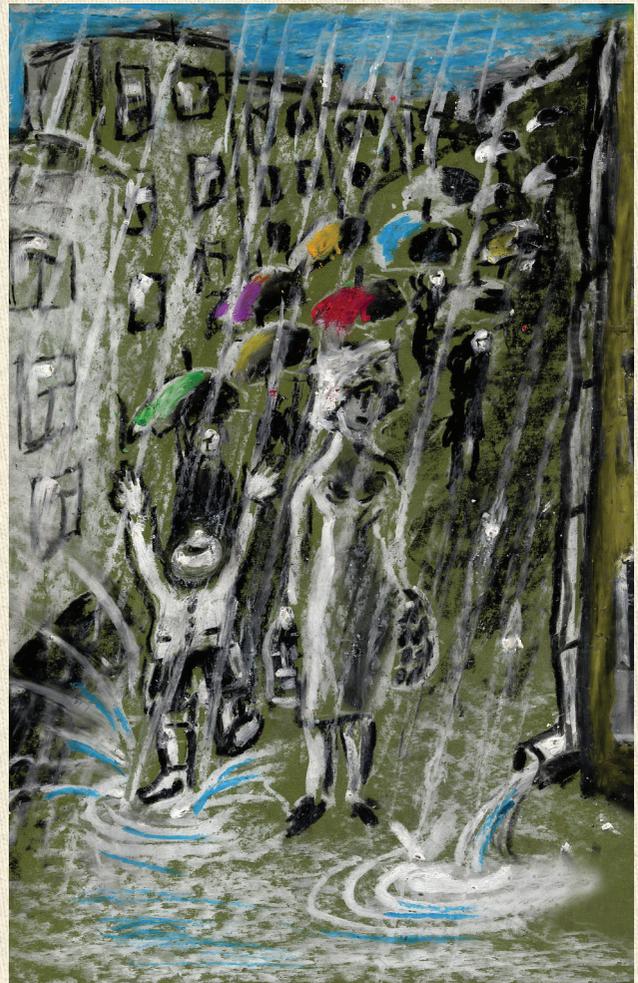

Рисунок **Владимира Миодушевского.**

Татьяна Рослова

Рязань

Ночной дождь

Кентавр по небу скачет,
качая звёздный дом,
там дева тихо плачет
изменчивым дождем.

Луна упала в лужу
монетой золотой,
туман в ночи то кружит,
то тянется фатой.

А дождик и не знает,
излившись в землю впрок,
что утром ожидает
всех солнечный денёк.

Солнышко

Утром вешним,
утром ранним
через все село
солнце в красном сарафане
по воду пошло!

Радугую коромысло –
яркие цвета –
по-над речкою повисло,
что за красота!

Вёдра – синие озёра –
ждут его вдали.
Солнышко дойдет не скоро
к краешку земли.

Ангел

Кто там воду носит
в решете дырявом?
Кто у неба просит
радугу-дугу?

Кто теплом укутал
все поля и пашни?
кто цветные звезды
в небе засветил?

Кто волшебным светом
дом родной наполнил?
Нежностью и негой
кто согрел сердца?

Это ангел светлый,
это ангел добрый,
всех людей укрыл он
любящим крылом.

Евгений Яночкин
Дмитров

Старая азбука для новых маленьких

Фрагменты

аз	Аз — яз: начало и конец, Вселенская идея. Заслужит каждый свой венец, От «я» до Аз радея.	мыслете	Чем живы мы? Борьбой? Трудом? — Скажу вам откровенно: Пока вы мыслете о том, — Живёте, несомненно! ³
буки	Book ¹ — книга, буква и закон, Вместилище науки. Не нами был придуман он, И, значит, пишем буки .	наш	Желанья ты хоть все уважь, — Не будет утоленья. Дорога к счастью — разум наш И долга исполненье.
веди	Индийским «Ведам» ² все сродни И ведуны, и ведьмы. Славянин, память сохрани О смысле слова веди .	он	Про разум так сказал Платон Учителя устами: ⁴ Что нам диктует делать он , — То быть не перестанет.
глаголь	Узнать побольше чтоб, — изволь Приникнуть к книге снова. Люби и уважай глаголь — Записанное слово.	покой	Страшнее нет беды такой (Как стары эти мысли!), Чем потерять души покой В его высоком смысле.
добро	Не делай ставки на «zero» ³ — Пустые развлечения. В ученьи ты найдешь добро И добрые влеченья.	слово	Лукавцы пусть наоборот Твердят нам снова, снова, Но помни, выйдя из ворот: « В начале было Слово! »
живете	Сопоставляйте быт с душой, Покуда вы живёте : Умейте двигаться пешком, Но пребывать в полёте.	твёрдо	Храни его в самом себе Не возгордись, но твёрдо , И будет даль в твоей судьбе Для правды распротёрта.
земля	Когда пушатся тополя, — Каникулы на свете, — Пусть станет школой нам земля . Любите Землю, дети!	<p>1. книга (англ.). 2. веда – знание (санскрит), памятники древнеиндийской литературы, священные тексты. 3. французский философ Рене Декарт сказал: «Я мыслю, следовательно, я существую» 4. древнегреческий философ Платон в своих трудах выступал от имени своего погибшего учителя Сократа.</p>	
люди	Когда их все начнут любить, То бед уже не будет, И станут долго, долго жить Цветы вселенной — люди .		

вспОмним

В ноябре 2013 г.
исполняется 195 лет со дня
рождения И.С.Тургенева

Продолжение темы № 2, 2011 г.
«Ген Тургенева»

Литературоведение

Елена Кацюба

ДООС – libellula

Время деревьев

Когда навстречу вылетит свет,
шелестя соломой лучей,
он оставит позади провал темноты,
а ты
уличишь меня в том,
что человек состоит из света.
Если тебя отнимают у солнца,
значит времени нет.
Свет
летит параллельно любви,
у него тяжесть дождя,
ключи ожидания, вкус крови.
Свет щебечет,
рисуюсь птицей в развилке веток.
Давление света на лист
можно вывести формулой,
но свет посмеется над ней.
Ветки дерева намечены светом –
это пути огня, когда молнии ветка
сомкнется с землей
и, покинуто светом,
дерево станет чужим для воды.
Когда настанет время деревьев,
время станет корой деревьев,
время Девы и время Весов.
Когда кругом говорят деревья,
ничего не слышно, кроме их слов.
А если осень – всего лишь вопрос?
Ведь завтра уже придет стекольник –
менять голубые на серые стекла.
Вот настанет сентябрь и усыновит свет.

Человеческие слова

У русских писателей XIX века финал жизни имеет вполне определенный облик. Для Пушкина это друг-соперник с пистолетом в руке или ядом в перстне. Лермонтов увидел в ней вселенскую разновидность эгоизма. Как правило, она прикидывается любовью, достигает цели, а потом равнодушно отворачивается. У Достоевского это человек с ножом или топором, одержимый безумной идеей. У Льва Толстого – сумма зла, творимого людьми. Метафизическая грязь с течением времени накапливается в организме и обществе, превращаясь в болезнь и войну. В романах Гончарова никто не умирает. О кончине Обломова мы узнаем лишь в самом конце повествования, когда сам он уже исчез из сюжета. Об этом рассказывает Штольц, которому о последних днях Ильи Ильича поведала Пшеницына. Чехов в этом вопросе – истинный медик: дескать, организм не справился с болезнью. А болезнью может быть все, что угодно – лень, равнодушие, разочарование, безответная любовь.

У Тургенева – это та самая пушкинская «равнодушная природа», которая сияет «красою вечною». Она состоит из жизни и смерти, как человек состоит из души и тела. Это некая живая масса, единый монолит из гор, лесов, полей, рек. Она похожа на планету-океан Солярис. С ней можно общаться, но только подсознанием, а не на уровне разума.

В рассказе «Поездка в Полесье» писатель размышляет о странной природе любви. С одной стороны, сама природа без любви существовать не может. А с другой стороны, главное для нее – неторопливость, сдержанность, равновесие: «вот самая ее основа, вот на чем она

стоит и держится... Многие насекомые умирают, как только узнают нарушающие равновесие жизни радости любви...» Природа дает жизнь, она же ее отнимает, но дать или отнять любовь она не может. Полюбив страстно, человек как бы выходит в мир, существующий по иным законам. В этот момент он бессмертен и потому становится соперником природы, вступает с ней в борьбу. Она принимает вызов, хотя играет так же нечестно, как Мефистофель с Фаустом: подтасовывает, передергивает, тянет время, ведь она не ведает ни добра, ни зла. Человек рано или поздно устанет, а ей торопиться некуда.

Так она терпеливо наблюдает, как нигилист Базаров, препарировав лягушку, снисходительно объясняет крестьянским детям, что люди – те же лягушки. Разобрав по частям несчастное земноводное, он полагает, что узнал тайну жизни – тайну природы. Вернее, он уверен, что никакой тайны нет вообще. Человечество состоит из тел, как лес из деревьев. Люди живут инстинктами, и один человек всегда может найти способ управлять людьми, управляя их инстинктами. Он еще не знает, что природа приготовила ему ловушку.

«Роскошное тело», как называет Одинцову Базаров, неожиданно пробуждает в нем не просто инстинкт, а любовь. Спокойная, полная живого тепла Одинцова – это и есть Природа, в которой нет никаких одинаковых деревьев-тел. Она не спорит с Базаровым, как не спорит дерево с ветром, склоняясь и снова выпрямляясь. Базаров спорит сам с собой и побеждает самого себя. Отвергнув живое тело, он погибает от тела мертвого.

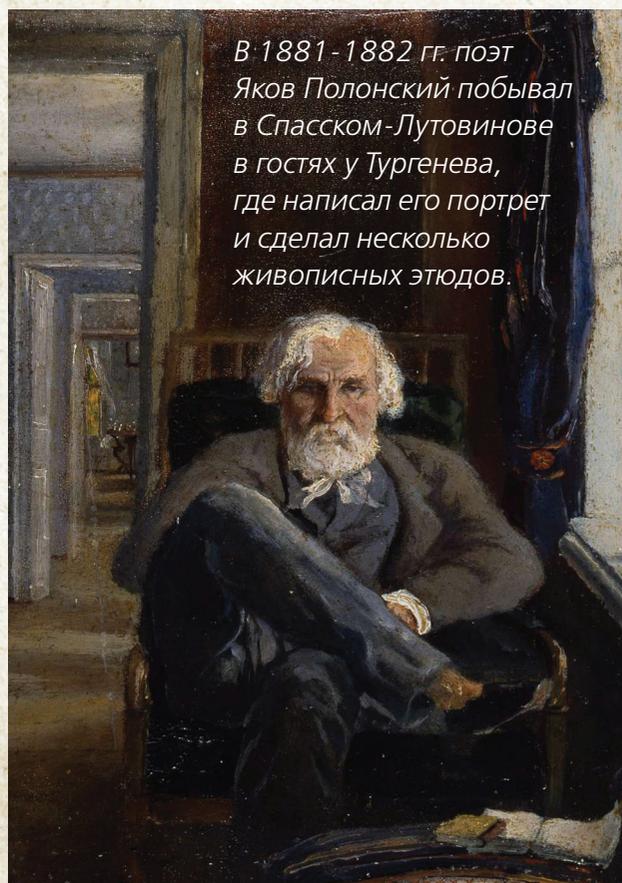
«Бог изыскан, но не злонамерен», – эти слова Эйнштейна словно сказаны о природе у Тургенева. Неизвестный, безразличный самоуверенному медику крестьянин, на котором он хочет «попрактиковаться», заражает его трупным ядом через крошечную ранку. Мало того, ее еще и нечем прижечь – нет «адского камня» под рукой. Кажется, здесь только стечение обстоятельств. На самом деле причина кроется в неважении к природной жизни. С человеческой точки зрения крестьянин мертв, но природные процессы в нем продолжают идти. Живое и неживое – сообщающиеся сосуды. Базаров отверг любовь – жизнь, и образовавшаяся пустота заполнилась равнодушной природой.

В жару Базаров видит бегающих красных собак. Он еще в сознании, но его кровь уже погибла и, как собака впереди охотника, бежит по неведомой дороге. Одинцова склоняется над ним с прощальным поцелуем, но одновременно это приветственный поцелуй Природы, частью которой он становится. «Дуньте на угасающую лампаду», – просит Базаров. Человек – священный огонь, зажженный перед вечностью. Базаров понял это

в последний момент. Бунтуя против консервативного общества, он не осознает, что на самом деле борется с той же природой. Социум – это тоже часть природы, человеческая среда обитания. Погибает Базаров вроде бы неожиданно и нелепо, в расцвете сил. Но не потому, что так захотел автор. Это особая магия искусства. Персонаж, став абсолютно живым, начинает действовать самостоятельно. Но, как робот, выполнив программу, самоуничтожается, ибо представляет угрозу жизни своей разрушительной одержимостью.

Между бытием и небытием существует мистическая зона, где человек может еще выбирать – остаться жить или уйти. События, которые там происходят, можно объяснять по-разному. Если смотреть снаружи, все имеет рациональное объяснение, но для смотрящего изнутри все выглядит трагичным и потусторонним.

Когда-то поручик Илья Теглев («Стук... стук... стук!») обнаружил, что сумма чисел дня, месяца и года его рождения такова же, как у Наполеона. Вообразив, что рожден для великих свершений, он стал артиллеристом, отказался от взаимной любви, но никаких подвигов так и не совершил, только приобрел репутацию мрачной и загадочной личности. Чтобы хоть как-то возвысится над обыденной, заурядной жизнью, Теглев вычисляет последний день своей жизни, подгоняя его под дату смерти кумира. Так он вступает в роковое пространство. Его товарищ постучал по стенке и... нечаянно попал в акустическую точку. Звук получилась потусторонний, идущий не известно откуда. Он не знал, что Теглев ждет сигнала «с той стороны».

В 1881-1882 гг. поэт Яков Полонский побывал в Спасском-Лутовинове в гостях у Тургенева, где написал его портрет и сделал несколько живописных этюдов.

Получилось, что рукой шутника водил рок, и точка возврата уже пройдена. Возможно, на весах Природы все злодеяния Наполеона в масштабе Наполеона действительно равны единственному проступку Теглева в масштабе Теглева – он бросил любимую девушку якобы из-за ее низкого происхождения, а на самом деле из-за «наполеоновских» амбиций. Девушка погибла от холеры, но Теглев убежден, что она отравилась и теперь зовет его к себе.

Природа словно наблюдает за ним, ждет, чем все кончится, даже создает подходящую обстановку. Действие переходит в пространство, затянутое туманом. В нем тонут и люди, и звуки. Туман пробирается в голову, перемешивает все внутри и снаружи. Предметы превращаются в свою противоположность. Вместо реки – овраг, вместо рощи – болото, вместо поля – холм. Все эти блуждания длятся ровно столько, сколько времени нужно Теглеву, чтобы решиться нажать курок. Как только раздался выстрел, все встало на свои места. И роща, и береза, и тело под березой, и строки из последнего письма: «Единственное сердце, которое отдалось мне, – я сам загубил!»

Любовь опасна уже сама по себе: «Чужое я внедрилось в твое: ты расширен – и ты нарушен; ты только теперь зажил (?) и твое я умерщвлено». Чем сильнее, страстнее любовь была при жизни, тем опаснее она становится потом, принося гибель возлюбленному. Такова история Якова Аратова («Клара Милич»). Мягкий, скромный юноша с виду полная противоположность Базарову. На самом деле он имеет твердый характер и тоже верит в науку. Хотя в отличие от медика-нигилиста понимает: в жизни есть нечто непостижимое для человека. Это нечто можно иногда

прозреть, но постигнуть невозможно. Именно такой непостижимой тайной оказалась для Якова любовь. Подобно Базарову, он не смог преодолеть внутреннюю установку. Базаров проповедовал простоту отношений и испугался сложности собственных чувств. Яков ждал тихой, мечтательной любви и испугался бурной, открытой страсти.

Природе не интересен союз похожих людей. Она любит соединять противоположности. Одержимая страстью в жизни Клара так же неистова в смерти. Не сумев добиться любви, она играет последний спектакль, приняв яд. Яков видит во сне свою свадьбу с Кларой. В загадочном саду много красных яблок, но от взгляда они морщатся и падают на землю. Райский сад гибнет, потому что Адам не принял от Евы плод познания.

Отвергнув живую девушку, Яков, увлеченный занятиями фотографией, влюбляется в безжизненное изображение Клары на единственной оставшейся карточке. В жизни он от нее отвернулся, на фотографии она отвернулась от него. Теперь юноша одержим желанием заглянуть ей в глаза. Фотография оказалась именно тем таинственным пространством – остановленным мгновением, где природа, как Мефистофель, его подстерегла. Но он выбрал гибель... и любовь.

Отвергнув любовь, человек становится добычей природы. Природа рациональна, в ней все продумано и закономерно. Она бесконечно многообразна, но консервативна. Бури, штормы, землетрясения изменяют только ландшафты. Все живые твари – ее дети, все ей одинаково дороги. «Но добро... разум... справедливость... – пролепетал я снова. – Это человеческие слова, – раздался железный голос. – Я не ведаю ни добра, ни зла...»

Этюд Якова Полонского.

Дарья Глебова

Арфа

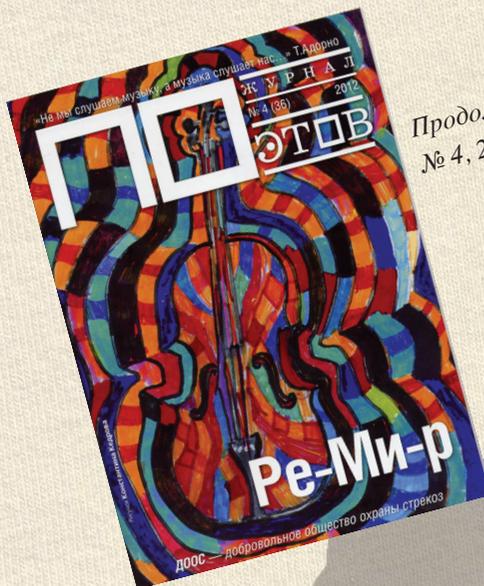
Стоит гигантская арфа.
К ней подхожу я
Три раза в неделю. Не меньше,
Не больше.
Не трогая длинных ресниц из семейства
струнных,
Не запевая фальцетом гамму,
Сижу, пригорюнясь, на камне,
Наблюдая падающую росу.
Арфа стоит.

Кто-то сидит по вторникам, кто-то
По средам. Я – по вторникам,
Так как не сильна в экологии.
Камень подпирает деревянную раму.
В точке соприкосновения
Появляются некрологи.
Арфа стоит.

Говорят, есть люди, способные
Сыграть на ней вальс.
Даже если бостон. О них
Рассказывают легенды.
Конец историй, всегда похожих,
Причина смерти.
Болезни сердца или сосулька –
Самый расхожий вариант.
А она всё стоит...

А она всё стоит. Игра – это риск,
А риск – это всегда игра.
По чётным дням её струны колышат
Женщина и змея.
И украсть не дано у богов огня,
Не сыграв на арфе канон.
Или два.

А мне бы один только взгляд,
пару хлопков по плечу, письмо,
мол, цветочки свои ещё берегу,
не тронь, «Твой Франциск».
Вот тогда бы я
смычком по каждой струне прошлась.
И спряла бы новые.

Продолжение темы
№ 4, 2012 «Ре-Ми-р»

Павел Грушко

Бостон, США

РУКИ ДЭЙВА БРУБЕКА

*«Великие маги-волшебники
нашей молодости один за
другим покидают этот мир...»
Хулио Кортасар*

У чёрной птицы твоего рояля
мы обмираем в полузабытьи:
в коктейли наши, с клавиш воспаряя,
запрыгивают вишенки твои.

Мы слышим, как с твоих тревожных пальцев
стекает на рояль вечерний свет.
Здесь бродят тени босса-нов и вальсов,
и рок-н-роллы пляшут менуэт.

Переложив луну на пять четвёртых,
на семь восьмых закат пересчитав,
уводишь ты ручки от стариц мёртвых,
слагая с ними блюзы среди трав.

Звенят дождинок частые копытца,
здесь так спокойно каждый тон и звук
спешит коровкой божьей поклониться
проворным дятлам брубековых рук.

5 декабря 2012 г.

Ремейк **Анна Каренина**

1

Анна
С кармою
Окровавленной.
Анна
Маниакального.
Ты кошмарно-шикарная,
Суздально-суицидальная.
Ты с надломленной
Ценностью
Чувства,
Анна Русского.
Ты непокорно –
Гибельная,
Анна идольного.

2

Глубока могилка,
Бог убог.
Земля – копилка.
Душа – колобок.
Тьмы улитки
Невозможно липки.
Ползут оборотни.
От жемчужной
Улыбки
Мужчины
В обмороке.

3

Была б ты Магдалиной раскаявшейся,
Волчья ягода – малинка!
Ты Герда без Кая.
Ад ласкает снежинку.

Была бы Магдалиной раскаявшейся,
Тебе бы дали выжить!
Догвиль любит падших.
Пади же!

4

Странной аристократкой
Старинных, видно, кровей
Ты Русь любила украдкой.
Сольвейг, осоловей!

5

Аристократка на корточках
Барин, твой муж кричит.
Он желает порочного,
Чертом урчит.

Муж твой измучил ужасом
В жасмине сожмись!
Жизнь – кружево.
Он высосет твою жизнь.

6

Зол безмозгло, как клоп зловонный.
Бесы мглистые в хаос-лоб
Шепчут: «Чем ты, Клоп, недовольный?
Ты бы просто себя прихлоп!...

Чтоб есенинским, пьяным, русским,
По-крестьянски перекрестясь,
Так бессмысленно, безыскусно
Опадать в золотую вязь».

Клоп:

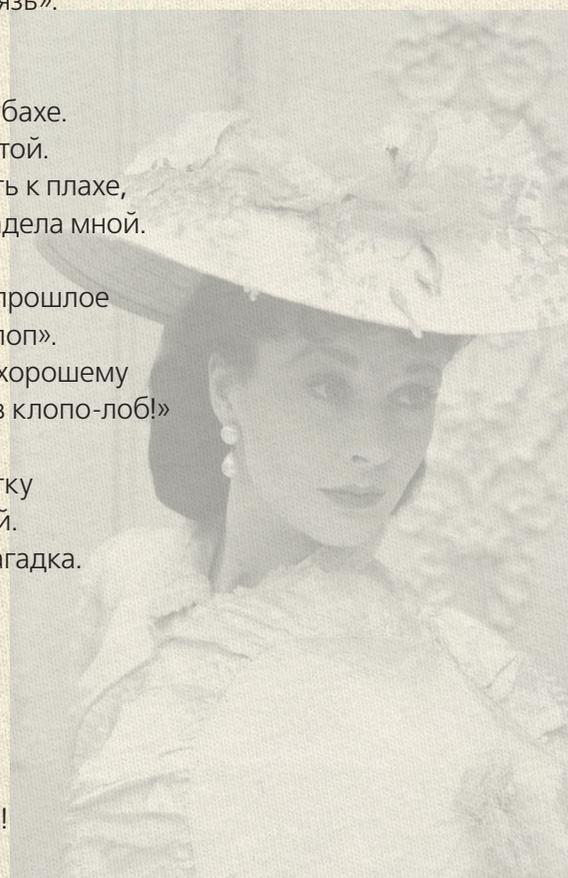
«В разухабистой я рубахе.
Я в эпохе пустой, пустой.
Инфернальная похоть к плахе,
Страсть к Ничто овладела мной.

Мне холопское мое прошлое
Приговаривает: «Холоп».
Кто бы пулю мне по-хорошему
Насмерть выпустил в клопо-лоб!»

Красотку-аристократку
Клоп унижал, плебей.
На Руси краса – не загадка.
Ты ее, красу поимей!

7

Родина унижала..
Родину не жалеи!
Анна-парижанка,
Эмиграцией ошалей!

Вивьен Ли в роли Анны Карениной.
1948 г.

Эйфелевой безбашенностью
В жизни блеф
Падай, бесстрашная,
Королева из королев!

Жила униженно,
Пари же в Париж!
В Париже выживешь,
Пока паришь!

Там раскрашена,
Как шлюха, жизнь.
В Париже ряженных –
Мулен руж муляжи.

8
Глаз огромные,
Черных ресниц кошмар.
Все сокровища
Ты получила в дар.

Но молилась ангелом
Анна наглая:
«Меня брили-антовую
Обрейте наголо!»

9
Выбрита как для битвы
Не для храма... А в храме – хлам.
Любите самоубийцу!
Она улыбнется вам,

Как девица из «Матрицы».
Вокруг – мокрицы.
Весь мир – тюрьматрица...
Любите самоубийцу!

Тебя бы, бабочку,
Лубочно красили –
Любят барины,
Чтобы все разное –

Сапожки красные,
Крылышки с охрой,
...Пыльцой одноразовой...
Палех хохота...

В подсолнухе
Рисунок хаоса
Бес – бессоннице!
Да – Дахао!

10
Русская Грейс, угадывай
Правду Догвиля!
Иволга в Волгу падает.
Правда в подлости.

Или все люди големы,
Или повсюду Догвили.
Ты гордая,
Тебя угробили.

11
В гробу гербария
Булавкой ловкою
Любой бы барином
Убил ай лав ю.

Гибель бабочки...
Боль Лолиточки...
Это сказочки
Или пыточки?..

Анна коллекционная,
Махаонная.
Калека ценная,
Миллионная...
У клопа была бабочка,
Он ее проколол
Була-булавочкой –
Такой приколом.

Как на видео
Жизнь стремительна.
Себя увидела
В булавке смирительной.

12
Под шапкою Мономаха
Набоковский Махаон.
До последнего взмаха
Молитвам внимает он.

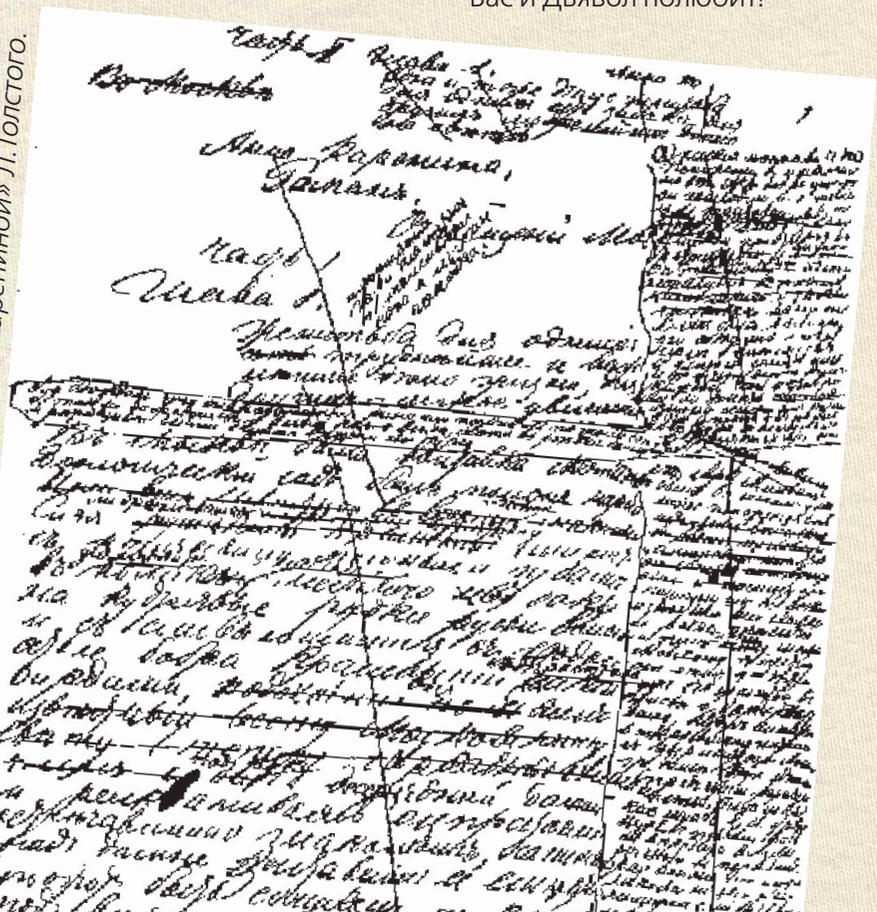
С фатальными миллионами
Фантомы фатальной тьмы.
Молюсь за вас Махаону
С монахами Колымы.

Эпоха идет на плаху
Будто бы на Эльбрус.
Без позорного страха
Я Махаону молюсь.

Какому еще Аллаху
Проигрывает Иисус?!
Распятые на булавах
Махаоны. Я им молюсь

13
Анна инфернального
Анна губит.
Блондиночка натуральная,
Вас и Дьявол полюбит!

Фрагмент рукописи «Анны Карениной» Л. Толстого.

Вы бы летали ведьмой,
Вы, красотка...
Вы – демоно-леди,
Русская идиотка.

Руки бесов
Повсюду сюр.
Вы принцесса,
Труп от кутюр.

Жизнь с идиоткой
Под музыку Шнитке
Будет короткой,
Висит на нитке.

Вы – праведница,
Соловейг совести,
Некронаправленность
Русской повести.

Вы – рассказанная история,
Микс безвременья.
В вас раскаяние ускоренного,
Микс Карениной.

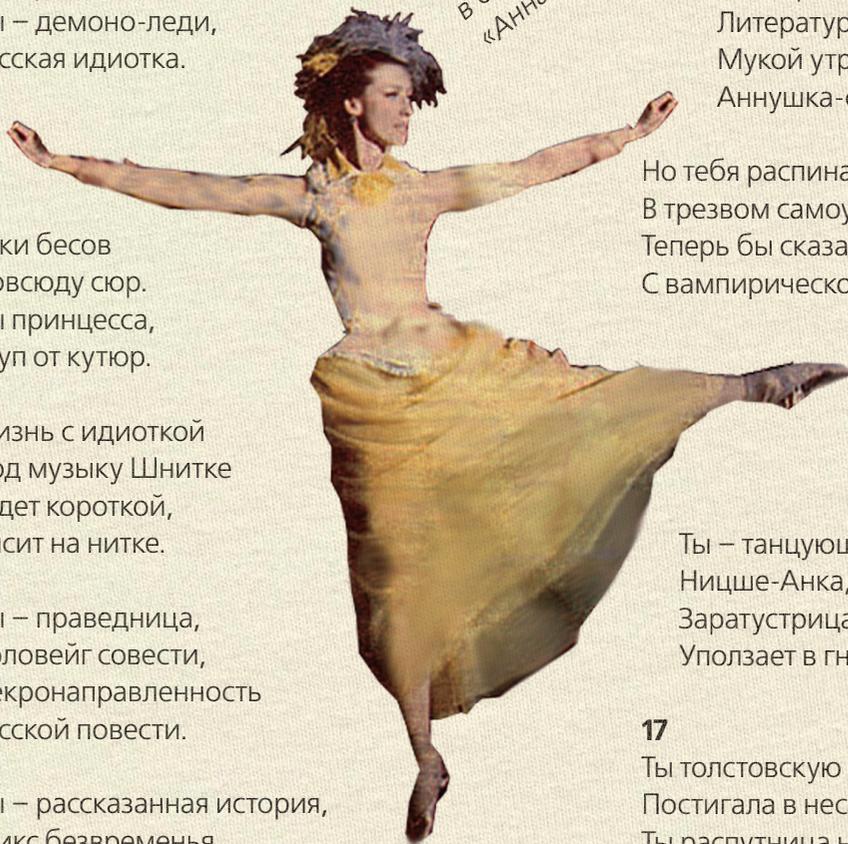
14
Ты толстовскую основательность
Постигала в простейшей повести.
Ты распутница без развратности,
Порно совести.

Блудница Распутина
В таинстве раздвоения.
Реинкарнаций путаница...
Вечное возвращение...

15
Анна с кармой окровавленной.
Анна маниакального.
Ты кошмарно-шикарная
Суздально-суицидальная.

Русская Грейс, угадывай
Правду Догвиля.
Иволга в Волгу падает.
Пададь в подлости.

Майя Плисецкая
в балете
«Анна Каренина».

16
Ты – предел абсолютной роскоши,
Литературы самка.
Мукой утробной мозг кроши,
Аннушка-самозванка!

Но тебя распинаят рельсами
В трезвом самоубийстве.
Теперь бы сказали: «Крейзи вы
С вампирической харизмой».

Готическая покойница
Ты в безвременье.
Ты – раскаяние ускоренного,
Микс Карениной.

Ты – танцующее Конечного,
Ницше-Анка, канканы ткущая.
Заратустрица безупречного
Уползает в гнилое будущее.

17
Ты толстовскую основательность
Постигала в несложной повести.
Ты распутница на распятии.
Тебя распинаят поездом.

Ты блудница Распутина,
Пут-Анна Каренина.
Реинкарнаций путаница,
Вечное возвращение.

18
Но помимо печальной повести,
Ты в унылой жила реальности.
Тоже в пошлости, тоже в подлости,
Анна неидеальности.

19
Красотка с косой до пояса.
Ее красоты не вынести.
В ней опасная васнецованность,
Закольцованная в невинности.

С ресницами нарисованными,
Кукольная блудница,
Ты сюр бессонницы,
Русская дьяволица.

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозо­стихо­завр
Дублин, Ирландия

Продолжение темы № 10-11, 2011
«МОНУМЕНТАЛЬНО»

Автор мостов через реку Лиффи в Дублине
испанский архитектор Сантьяго Калатрава.

Мост Джеймса Джойса

Почему мост Джойса? Потому что издалека виднее, потому что шпили дублинских церквей отсюда не видны, потому что писателю нужны лишь кровать и письменный стол, потому что с наблюдательной площадки на марселловской башне видно средиземноморье, а все другие берега в тумане, потому что домой возврата нет, и вернуться можно лишь тенью, по мосту или через музей, пройдя сквозь сувенирную лавку.

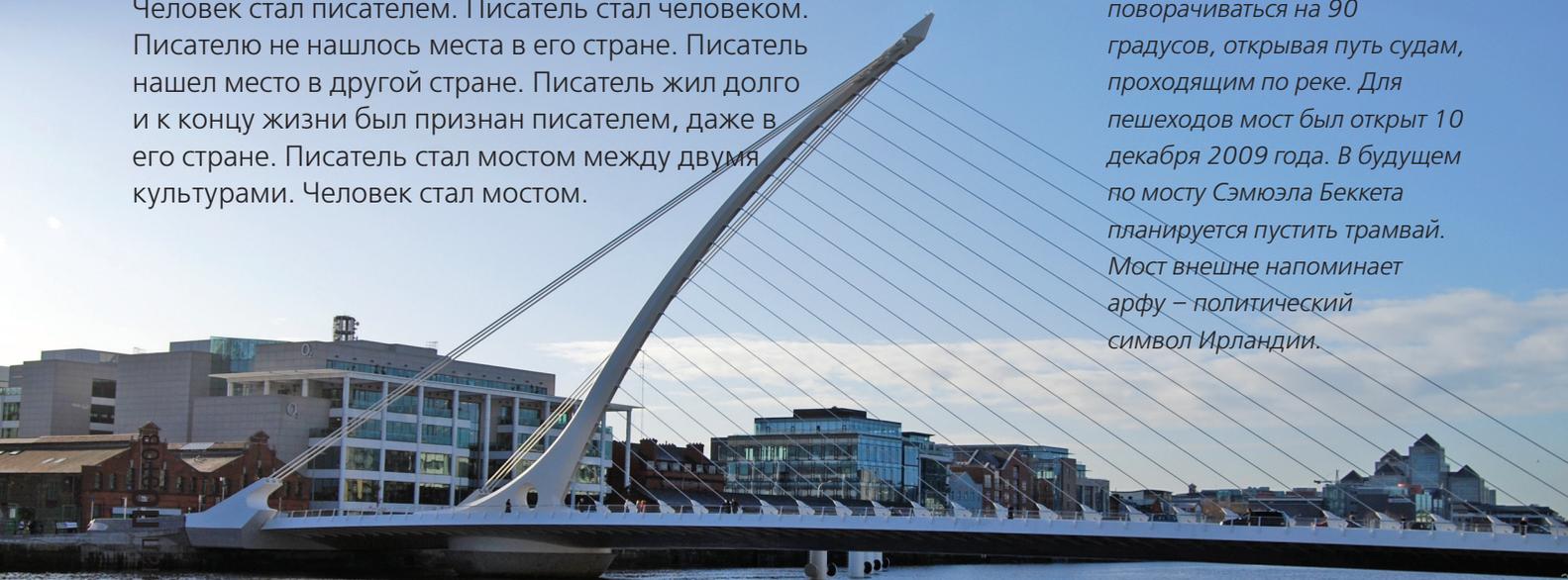
Длина моста – 41 м, максимальная ширина – 33 м. На мосту автомобильная дорога, две пешеходные дорожки с зонами для скамеек. В рассказе Джеймса Джойса, «Мёртвые» действие происходит в доме, который сейчас находится напротив моста. Мост был открыт 16 июня 2003 года в так называемый День Блума. Ночью мост подсвечивается.

Мост Беккета, или Логическая цепь

Человек стал писателем. Писатель стал человеком. Писателю не нашлось места в его стране. Писатель нашел место в другой стране. Писатель жил долго и к концу жизни был признан писателем, даже в его стране. Писатель стал мостом между двумя культурами. Человек стал мостом.

Длина моста – 123 м, ширина – 48 м. Мост может поворачиваться на 90 градусов, открывая путь судам, проходящим по реке. Для пешеходов мост был открыт 10 декабря 2009 года. В будущем по мосту Сэмюэла Беккета планируется пустить трамвай. Мост внешне напоминает арфу – политический символ Ирландии.

Валерий Байдин
Кан, Франция

Фрагменты из романа
Начало в № 5-9 2012 г.
и № 1-5, № 7-8 2013 г.

СВА

ПРОЗЫРЕНИЕ

Рисунки **Сольми**,
80-е годы XX в.

n. Happy together

Пылили и зноились раскалённые мостовые, лениво катили автомобили, бессильно обвисали ветви деревьев. Июль устало двигался к концу. Два дня подряд над невидимым горизонтом грохотали грозы. Медленно стягивались к зениту и рассеивались тучи, а тусклое солнце всё плыло и плыло среди выцветшего неба. Однажды к вечеру из пыльно-голубого марева возникла тёмная глыба, тяжело нависла над городом и затмила свет. Сва нырнул в метро, а когда через полчаса вышел на своей станции, едва сумел протолкаться через толпу в подземном переходе. Ему удивлённо уступали дорогу до самого выхода — огромной лужи, в которую, уступчатым водопадом текли по ступеням дождевые потоки.

Гроза кончалась, грохотало уже не в небе, а где-то за домами, сумеречный воздух просекали тонкие водяные нити, рвались на глазах, рассыпались холодными каплями. Сва с минуту следил за их медленной пляской и решил, что теперь вполне можно добежать до дома. Представил, как Лю треплет его мокрые волосы и сцеловывает капли с бороды. Желание побыстрее увидеть её и показать заработанные за день восемьдесят рублей было таким сильным, что он первым из всех выскочил на улицу. Пробежал вброд лужу, застывшую на тротуаре вровень с верхней ступенькой, мельком заметил усыпанные градом бело-зелёные газоны и ринулся по асфальтовой дорожке к дому.

Одежда быстро промокла. Он мчался, хлюпая водою в летних ботинках, и думал о Лю и о себе. О том, что она решила с осени восстанавливаться на втором курсе педа и искала временную работу — опять к интуристам. Ей не везло, а Сва уже вторую неделю ходил на разгрузку товарных вагонов. Там платили наличными, сразу. Жилистые, вечно пьяные бичи сгружали и переносили на грузовики брёвна и горбыль, пакеты с цементом и сетки с картошкой, плотные мешки с сахарным песком, рулоны рубероида, уголь, кирпичи и так далее. За вагон можно было заработать больше сотни деревянных, но приходилось делиться с напарником и отстёгивать по пятёрке «командиру» с товарной станции. В итоге, если не очень надрываться, за день выходило от сорока до полусотни. Работать вровень с краснорожими мужиками Сва не пытался, да и недолго продержался бы. Но сегодня ему повезло: пришёл пульман с посудой в небольших деревянных ящиках, а из грузчиков только он был трезвым, и потому начальник отрядил его на работу одного и заплатил в конце дня по полной.

На этой мысли Сва ввалился в прихожую, скинул мокрую обувь и проскочил в комнату с криком: «Привет!» Лю устало улыбнулась, поднимаясь с кровати, чмокнула в щёку, но не стала со смехом тискать его, а лишь сказала:

— У, какой мокрый! Скорее переодевайся, ужин готов.

— Ты что, заболела? — насторожился Сва.

— Да, нездоровится. Я омлет с картошкой приготовила, как ты любишь. Пойду подогрею, — сказала и прошла на кухню.

Едва Сва принял душ и переоделся, Лю принесла сковородку, поставила на давно накрытый стол, а сама села на кровать.

— Что с тобой? — он присел рядом, не дотронувшись до еды.

Стало не по себе от смутного предчувствия беды. Потом он без конца вспоминал этот вечер, когда зловещая трещина сверху донизу молнией пересекла их комнату и всю их жизнь.

— Что-то случилось? — он ещё крепче обнял Лю за плечи и поразился её взгляду.

Она повернулась и как заворожённая, чуть улыбаясь, долго вглядывалась в его глаза:

— Милый, представляешь? У нас будет бэби... Твой и мой.

Сва откинулся к стене и зажмурился от неожиданности. В голове, оглушая до звона, стала взрываться одна мысль за другой.

— Ты не рад? Почему ты молчишь? Скажи! — всё сильнее трясла его за плечи Лю. — Посмотри мне в глаза, ты не рад? Сва, любимый, скажи! Твой ребёнок...

— Это так неожиданно. Конечно, я... Но...

— Что? Что «но»?

— Это... случайно? Или ты так захотела?

— Ты о чём? Как захотела? Не больше, чем ты. Мы же не любовники.

— Я не представляю? У нас с тобой... Это же...

— Сва, милый, ты что, испугался? Ребёночек, представляешь? И ты его отец.

— А ты подумала, как мы теперь жить будем?

— Как все живут. Неужели, мы денег не заработаем?

Много ведь не нужно, чтобы прожить. Ты увидишь, всё будет хорошо, всё наладится.

Сва встал. Подошёл к окну, и комната показалась ему чужой и совсем крошечной. Он силился что-то сказать, чувствовал на себе взгляд Лю и не мог открыть рта. Наконец,

сел за стол и обхватил голову. В ноздри плыл тошнотворный запах еды...

— Деньги, учёба, жильё — не главное, — выдал он. — Допустим, нам кто-то подкинет немного на первых порах. Не знаю, у моих родичей ни гроша лишнего нет... Я перейду на вечернее или заочное, работу найду.

— А я тебе помогать буду. Не бойся, я тоже найду работу, обязательно! — она хотела встать и подойти к столу, но Сва остановил её мрачным взглядом:

— Не в этом дело. А ты не подумала... — в волнении он вскочил и зашагал по комнате, — что у нас может родиться... больное существо?

Боясь взглянуть в её сторону, Сва продолжал говорить, его голова затравленно втянулась в плечи, а лицо закинулось к потолку.

— Ведь после всей наркоты, которой ты накурилась и наглоталась, у тебя внутри всё отравлено. Ты хоть с врачами посоветуйся, скажи им, сколько времени ты на ней сидела. За всё это не мы с тобой — ребёнок заплатит! Какой он родится? Ты подумала?

Он сорвался на крик и тут же стих, попятился к стене, потому что Лю, словно сомнамбула, поднялась с кровати, тихо пошла к двери, потом к окну, потом опять к двери. Глаза её были открыты, но она явно ничего не видела.

— Понимаешь, я одного боюсь. Он из-за нас страдать будет. И мы вместе с ним... — сбивался Сва на шёпот и боялся притронуться к Лю.

— Значит, ты отправляешь меня в чистку? — едва слышно спросила она.

— Я, я так не сказал.

— Что же мне делать?

— Не знаю, — тяжело выдохнул Сва.

— Боже мой, — Лю прижалась лбом к двери и шептала сквозь слёзы. — Я как чувствовала...

— С врачами для начала надо поговорить. Вот и всё.

Сва увидел, как она сползла на пол около кровати, села, словно пьяная, уронив голову. Лицо её было скрыто ладонями и упавшими волосами, а невидимые губы выговаривали страшные слова:

— Выходит, облом у тебя со мной вышел. Я тоже порченная оказалась. Как и Лави. Не додумал ты, кого целовал, обнимал...

Лю взорвалась рыданиями и повалилась на бок, закрыв голову, будто Сва хотел её ударить. От этих слов-стонов в нём взметнулось, разлилось в мозгу короткое немое безумие. Он ринулся на кухню, в прихожую, вернулся в комнату, подскочил к Лю, попытался силой поднять её с пола и уложить на кровать. Она не сопротивлялась, но всей своей живой тяжестью ускользала из рук. Наконец, тяжело дыша, Сва кое-как справился с собой, сел на полу около неё и погладил дрожащую от плача спину.

— Не говори так и успокойся! Я не врач, ты тоже. Но, пойми, всё это слишком серьёзно, Лю!

Он долго молча гладил её, чувствуя бессмысленность слов. Она явно ничего не слышала, только дышала — будто

стонала. Сва закрыл глаза и застыл. Он опять видел её в своих объятиях, страстной, ласковой, шептавшей в полубреду: «Милый, спасение моё...» Рука сама потянулась обнять Лю, но тут послышался странный, старческий, за несколько минут высохший голос:

— Хорошо. Я сделаю это. Но потом у меня, может быть, никогда не будет детей.

— Не говори таким голосом! — закричал Сва. — Я тебя никуда не гоню! Я сам не знаю, что делать? О, Боже!

Он вскочил и тут же со стоном согнулся от резкой боли в животе. Добрался до стола, понял, что надо на время прекратить невыносимый разговор.

— Что-то схватило... желудок. Так больно. От голода, наверное. Почти целый день не ел. Давай, поужинаем, а?

Лю отказалась. Тогда Сва отнёс еду на кухню и сел за свой старый маленький стол. Долго через силу ел. Ужин был вкусный, как у мамы, хотя и остыл. От еды резь в желудке ослабла. Стало подташнивать. Он помыл тарелку и вилку с ножом, убрал оставшуюся еду в холодильник и вытер стол. Лю не приходила.

Соседи уже вторую неделю отдыхали в деревне у родственников, и в квартире стояла жутковатая тишина. Всё казалось чёрно-серым, ненастоящим. Тело ныло от накопившейся усталости, а внутренности мертвели от непонятной боли. Шёл одиннадцатый час, завтра нужно было опять подниматься в шесть утра и ехать на товарную станцию. Сва вздохнул и вернулся в комнату.

Свет был погашен, на потолке светились знакомые лучи от уличного фонаря. Он заметил, что вместе они образуют скошенный тёмный крест. «Висит и давит, — мелькнула мысль. — Может быть, потому так тяжело здесь жить».

Он лёг рядом с Лю, взгляделся в её острый профиль, в открытые глаза. Странный свет съедал их радужную голубизну, золотистые волосы перекрашивал в седые, тени обтекали щёки, ложились в глазницы и складки губ. Сва сделал глубокий неслышный выдох, чтобы успокоиться, провёл ладонью по её щеке, скользнул к плечу:

— Давай утром договорим. Так умотался на этой станции, а завтра опять рано вставать.

Она чуть шевельнулась под его рукой и сказала в ответ:

— Конечно, спи. Ни о чём не беспокойся...

Это будет мой крест

Лю ждала его пробуждения, и как только Сва безмятежно вздохнул, потянулся и открыл глаза, погладила по плечу:

— Милый, я всю ночь думала. Если так...

Он недоумённо смотрел, пытаясь понять, о чём речь, потом тяжело закрыл веки.

— Я вспоминала, что френдихи... подружки мои про это говорили. Даже у здоровых людей иногда больные дети рождаются. А халаты, ты просто не знаешь, они всех автоматом вычищают. С ними без толку советоваться. Мне бабушка говорила перед смертью: «Что бы ни было, рожай! Грех страшный — убийство младенца невинного. Всё тебе Бог

простит, а за это до смерти мучиться будешь. И умрёшь в муках». Сказала так, хотя вроде и в церковь не ходила и о Боге никогда не заикалась. Я эти слова забыть не могу. Сва, любимый, — она крепко прижалась к нему и горячо зашептала, — я его уже больше недели чувствую. Сначала себе не верила, ждала, проверяла, а теперь точно знаю.

Он резко поднялся на локте:

— А твоя замечательная бабушка не говорила, что есть и другой смертный грех: на пыхе, штыре и колёсах жизнь свою сжигать? Ты ведь будущему ребёнку пытку готовишь! И мне тоже! И себе! Ты сама-то не боишься родить?

— Что бы ни было. Сегодня ночью я решила.

Он соскочил с постели и начал торопливо, нескладно одеваться.

— Ты куда, любимый? — она тоже поднялась и попыталась его обнять.

— На станцию пора ехать. Уже опаздываю.

В дверях он обернулся, увидел застывшую около кровати Лю, поймал её взгляд и добавил:

— Ты не в тюрьме. Поступай, как хочешь.

— А ты?

— А я поеду. Заодно подумаю, что мне-то теперь делать. Я ведь тебе не советчик. Ты уже всё решила.

— Подожди! — она подбежала, изо всех сил его обняла:

— Родной мой, не бойся ничего! Прошу тебя, умоляю!

Я буду днём и ночью молиться о нём, чтобы он здоровым родился. Ты увидишь, он будет твоей гордостью! Нашим счастьем, Сва!

— Молиться? Ты будешь молиться? — он отстранил её руки: — А кому ты молилась раньше, когда по флэтам гнилым тусовалась? С каких пор ты стала такой верующей? — Сва не мог сдерживать мелкой дрожи и кричал, ужасаясь своим словам.

— Я... В душе я всегда верила. Меня бабушка в детстве в церковь водила. Я всё-всё помню. Верила, что Бог есть, даже когда в отстой попала, с лаверами путалась, колёса глотала, дурь шмалила. Внутри что-то святое оставалось, и мне от этого ещё больше было! Сва-а... Это была моя самая тайная. И надежда тоже. Иначе бы я давно кинулась. Чем ещё было жить? Я верила. Только потому тебя и встретила. Не случайно. Я тебе эту любовь хотела...

— Причём здесь ребёнок?! — сорвался он на крик и застыл посреди комнаты напротив Лю. — Я не про твою душу, а про твоё тело обкуренное, просаженное говорю!

Он отпрянул, зашатался, чувствуя, что его непоправимо заносит. Что всё не так. Что говорит он совсем не то. Что им самим овладело прежнее, жестокое отчаяние:

— Да, за всё надо платить! И тебе и мне! Но ты хоть понимаешь, что значить родить вместо ребёнка у-ро-да?

— Как ты можешь?!

— А зачем лгать себе и мне? Любой врач скажет, что после такого прошлого ребёнок внутри тебя будет отравлен. Тобою искалечен! И за это ты ответишь! Только, умоляю, не говори мне о чуде и о Боге.

— Ты... ты после этого просто совок.

— Повтори!

— Я громко сказала.

— За что ж ты полюбила совка? — Сва побледнел от гнева.

Лю мучительно искала ответ:

— Я полюбила самое большое в тебе, лучшее.

— А, может быть, ты ошиблась?

— ...

— Скажи, — Сва закрыл ладонями лицо. — Ты... ещё любишь меня?

— Глупый вопрос.

— Глупый... Ладно... Я тоже кое-что решил. Если ты не хочешь, хотя бы из любви к будущему ребёнку, подождать два-три года, подлечиться, то...

— Что тогда?

— Тогда оставайся и живи здесь одна! Одна! Делай, что хочешь! Тебе некуда уйти, но я уйду!

— Куда ты уйдёшь? Зачем? Любимый! Что ты выдумал?

— она опять шагнула к Сва.

— Неважно. Я тебе всё оставляю. И главное — твою свободу!

— А твою любовь? Её ты тоже мне оставишь?

— Ты сказала, это глупый вопрос.

— И ты согласен? Прости тогда.

— Пусть будет, как ты сказала. Пусть всё будет по-твоему!

— Ты хочешь, чтобы я его вычистила, да?

Сва в отчаянии закрыл лицо руками и простонал:

— Я больше не могу! Ничего не хочу! От тебя, от такой жизни! Лучше я куда-нибудь исчезну!

— Значит всё? Хочешь расстаться? Я правильно тебя поняла?

— Нет, не всё! Вот тебе ключи от квартиры, вот тебе...

— Сва открыл ящик шкафа и бросил на стол папку с бумагами, — ...книжка квартплаты и все документы. Живи, рожай! Ты свободна!

— А ты? — она с ужасом смотрела на Сва.

— Через пять минут меня здесь не будет! — он лихорадочно бросал в сумку одежду, дрожащими руками засовывал в ксивник паспорт, студенческий и деньги, на миг застыл со сторублёвой бумажкой в руке. — Вот тебе стольник на первое время. Потом сама заработаешь.

— Ты спятил, у тебя креза! Ты...

— Нет, я просто совок. И потому хочу слинять отсюда как можно скорее. Оставайся! С Богом, как говорится! Будет, где подумать и помолиться о рождении чудесного младенца.

— Ты просто вынуждаешь, чтобы я его убила, да? Тебе мало всех мерзостей вокруг? Мало смерти Лави? Ты ведь сам чуть не умер! О, Господи-и...

— Нет, не так! Ты остаёшься здесь хозяйкой, полной! Но

и я свободен выбирать. Мне этот рум не нужен, как раньше не нужна была моя поганая жизнь.

— А сейчас, Сва?

— А сейчас... Я хочу жизни, в которой есть смысл. А не твоя шиза и не ребёнок-урод. Этого не желаю, не могу вынести! Нет!

— Ах, вот как! Значит, тебе другая жизнь нужна, кайфовая, без лишних мучений? И другая любовь? Это тебе нужно? — Лю издали пыталась поймать его взгляд. — Что ж, иди. Я всё поняла. Уходи, твоё право. Но я тоже отсюда уйду!

— Куда?

— Тебе-то что?

— Понятно. Тебе со мной лажово стало, я ведь цивил по пояс, совок и так далее. Но тогда за всё сама и ответишь!

— Ты... ты... Ну... всё равно, раз так, — лицо Лю вдруг изменилось, она неотрывно, беззлобно смотрела в его глаза и не выгирала слёз. — Это будет мой крест, а не твой. Ты свободен, верно. И не в ответе за мои грехи. Ты полюбишь другую, чистую. Не такую, как я. Ты этого достоин. И она будет безумно тебя любить. И у вас будут здоровые, прекрасные дети и счастье через край. Иди, забудь про меня. И всё для тебя станет просто на земле.

— О чём ты?! — шатался посреди комнаты Сва, стиснув голову. — Вся наша любовь, вся наша жизнь куда-то проваливается! Из-за твоего безумия! На глазах исчезает! Я... я просто уступаю тебе место в жизни, понимаешь? И этому несчастному уроду-ребёнку.

Её руки сползли на живот, словно она защищала своё чрево. Лю не отрывала взгляда от Сва, едва заметно покачивала головой и говорила дрожащим голосом:

— Нет, он будет счастливым. Бог не допустит, поможет. Раз так, я одна буду с ним. Одна. Пусть...

— Что ты можешь знать о будущем? Что-о?! Прощай, сумасшедшая!!

Сва тяжело полоснул взглядом по незрячим глазам Лю, рывком вскинул сумку на плечо и выскочил, хлопнув дверью. Следом грохнула дверь входная, и он оказался на гулкой лестнице. Постоял, но она не бросилась вслед, не позвала.

Исступление

Было около семи утра. Сва привычно, быстро шёл к метро, но, дойдя до подземного перехода, не спустился, а прошёл мимо. Он сжимал в руках сумку, закрыв глаза, куда-то ехал в переполненном автобусе, шёл по улицам, долго трясся в подземке...

— Ясно, у неё эта одержимость от наркоты. Конец любви, юности. Ни учёбы, ни друзей. Начнётся совковая жизнь, как у всех. Нет, гораздо хуже — будем всю жизнь маяться с ребёнком-уродом. Она не понимает, что мы с ней не вынесем этой клиники, маразма этого! Но теперь её не остановишь. И во имя чего это всё? «У меня потом, может быть, никогда не будет детей...» Даже не хочет к врачам сходить, всё

разузнать. Не хочет подождать с ребёнком пару лет, нервы подлечить и мозги. Хочет задавить меня своим животом. Жить ей негде — вот в чём дело. А любовь? Любит ли она меня вообще? Это же не любовь, это шиза в чистом виде.

Вместе с потоком пассажиров Сва вышел в центре города и зашагал в толпе, будто очень опаздывал, но глаза его почти ничего не замечали. Ему представлялись уродливые красные тельца, огромные головы, орущие рты, искривлённые ручки и ножки, свинячьи тупые глазки. Вместе со всеми он остановился у светофора, дожидаясь зелёного света, потом повернул в переулок и медленно, как полуслепой, зашёл в какой-то двор. Сел рядом с детской площадкой на скамью, усыпанную песком и лузгой от семечек. Вспомнил далёкую ночь, нескончаемый кошмар в пустом вагоне метро. И слова, глаза Лю, её слёзы на своей щеке. Он выжил и столько месяцев жил только надеждой — встретить свою спасительницу. И вот: «ты совок».

Сва был рад, что блуждал далеко от дома, в старых ползнакомых кварталах с еле заметной летней жизнью. Открылись булочные. Он купил слойку и долго жевал, шагая вдоль изрытых траншеями тротуаров и труб. Хотелось, чтобы перед глазами возникла лишённая света пустота, голову и грудь сковал ледяной холод, и он унёсся бы, бездумно и безнадежно, в мир, где нет ни любви, ни страдания. Навстречу двигались одинокие прохожие, одетые людьми, но с нечеловеческими лицами. Странные носатые старухи заглядывали в глаза и неуклюжими птицами отлетали прочь. Беззвучно, не касаясь земли, проносились пустые автомобили. Плыли мимо старинные громадины, тянулись ввысь их фасады, бились от ветра и сверкали створки окон на этажах, слепили солнцем. За ними, в глубине, томилась испуганная душа. Никогда им не выйти из каменных тюрем! Никогда не увидеть, что полные света улицы проходят высоко в небе, а стены домов падают вниз до самой преисподней, что между крышами, так близко от ада, стайками мышей переныривают дорогу воробьи, чёрной кошкой хромает ворона, и ветер всё гонит куда-то серые облака пыли.

— Мы пешеходы тех высоких улиц. Как мы упали сюда, на асфальт? Лю, это ошибка. Лави разбилась. И мы с тобой стонем от боли. Там, в сияющем воздухе, разлита любовь, а небо, как и душа, не разъедено до дыр наркотой. . . — Сва внезапно остановился на углу улицы. — Она сказала, что будет молиться о ребёнке. А что будет со мною и с ней самой? Неужели не понимает, что в одиночку мы не выживём? Если она хоть капельку меня любит, если не идиотка, подождёт с ребёнком. Это же сущее безумие так упираться! Как жить с младенцем-инвалидом втроем в нашей комнатёнке? Учёба пропала, это ясно, мы с нею так и останемся недоучками. Всё опрокидывается вверх ногами. Но теперь я не кинусь в бездну. Пусть будет, как она хочет. Пусть живёт у меня, рожает. А я уеду в другой город, начну всё с нуля. Буду посылать ей деньги, чтобы растила этого уродца, а сам жить с ними не буду. Чувствую, что не смогу. Ну, почему мой ребёнок должен быть убогим? Она об этом подумала? Каково быть отцом какого-то чудовища? Всю жизнь ему слони или

задницу подтирать? Ни поцеловать, ни обнять, ни порадоваться его первому лепету. Ведь он, наверняка, слово «папа» сказать не сможет. А вдруг он мёртвым родится? Тоже возможно. И она с горя на наркоте сядет? Сама же призналась, что года два торчала. Зашила на всём, а теперь её опять потянет. Она даже курить не может бросить, хотя и обещала. А ещё хочет кого-то родить. . . «Я порченная. Как Лави». Она что, в истерике это сказала или так и есть? Я не врач, не знаю её женских дел. Но что там знать? И так видно, что больная, что в жизни едва держится — всё в ней переломано и перепутано. Столько времени маялась по людским помойкам, дошла до края. Одна она даже в моей комнате с трудом выжить сможет, а с большим ребёнком и подавно. Так и кинется с младенцем в животе. Она может, в ней так близко отчаяние, как раньше во мне. Один вздох и конец.

Утро холодящим ветерком бежало по улицам. Сва заметно для себя прибавил шагу. Он думал о самоубийстве Лави, о том, что Лю была её ближайшей подругой, и изнывал от страха.

— Она не выживет без меня. Крыша поедет, и никто её не удержит. — эта мысль мгновенно раздавила все остальные. — Надо её спасать, от неё самой!

В поисках метро Сва шёл всё быстрее, выскочил на большую улицу, узнал у прохожих, куда идти, и побежал. Ноги бесчувственно ударили о тротуар, жили самостоятельной, простейшей, безропотной жизнью, ничего не чувствовали. Так жаль, что душа устроена иначе. . . Горло и грудь жёг бензиновый воздух, но от бега стало легче. Вдали показалась полужаночная арка с красным зигзагом посередине, и Сва понял, что добираться до дома придётся долго. Сжав зубы, проскочил вестибюль, прыжками спустился по эскалатору и протиснулся в уже закрывающийся вагон.

У дома обвалы мыслей и чувств рассеялись, и на дне мозга обнажилось единственное желание:

— Сейчас обниму её и скажу, что никуда не уйду. И её никуда не пуцую. Люблю её и больше ничего не знаю. Вдруг она образумится, всё поймёт, всё простит. Я первый прощения у неё попрошу. Я ведь не против детей. Нужно ещё раз спокойно ей всё объяснить, убедить. Мы же любим друг друга. . . — и тут внезапная мысль остановила Сва на бегу — Если мы сейчас не помиримся, наше будущее исчезнет.

С колотящимся сердцем он поднимался на лифте и открывал квартиру, а глаза уже видели её глаза, губы чувствовали её губы, руки вспоминали их объятия. Сва рывком открыл дверь и вошёл. В комнате было пусто. Он забежал на кухню, заглянул в ванную, ткнулся даже в дверь туалета, вернулся назад и с силой бросил сумку на кровать. Застыл у стола и несколько секунд не мог вздохнуть, так перехватило грудь. И тогда увидел перед собой лист бумаги, вырванный из его тетради, а на нём крупные буквы: «Меня для тебя нет. И ребёнка нет. Ничего нет. Ты свободен. . .»

Рядом валялась авторучка, сторублёвая бумажка, книжка квартплаты и ключи. Сва обмер и опустился на стул — сбылось его предчувствие. Перед домом, когда ничего уже нельзя было изменить, он угадал самое страшное. Скомкал

записку и, шатаясь, двинулся к кровати. Лёг ничком. От потолка тихо отделилась, осела и прилипла к спине ледяная мерзкая пыль.

С улицы привычно доносились крики играющих детей. Он открыл глаза, поднялся, опять увидел на столе связку ключей, комок записки, а вокруг беспорядочно разбросанные вещи. Было видно, что Лю собиралась в припадке безумия. Посреди комнаты лежал открытый чемодан с книгами и одеждой, рядом валялись шарф, тетради конспектов и её домашний тапочек. В шкафу остались дублёнка и меховая шапка, в ванной комнате он заметил её зубную щётку и сохнувшую с вечера кофточку. Завтрак был нетронут.

— Как она смогла унести чемодан и сумку? Наверное, такси вызвала. А почему оставила книги, конспекты, пальто? Значит, теперь ей всё равно?

Сва втайне надеялся, что Лю останется. Убедив утром, долго не мог понять, что делать дальше. Не знал этого и сейчас. Мозг отказывался воспринимать происшедшее, реальность превращалась в изнуряющий бред.

— Надо лечь на кровать и закрыть глаза. Заснуть, чтобы проснуться. И тогда кошмар кончится.

В полусне он метался по подушке, до изнеможения вдыхая её запах, и пытался думать о вчерашнем, сегодняшнем, завтрашнем днях. Но мысли отчаянно, словно от края бездны, неслись в недавнее прошлое, вновь замирали там, в их головокругительной близости.

— «Ничего нет. Ты свободен...» Так написать! Как она могла? А может, не было нашей любви? Не было ничего, кроме бесконечного сна? Немыслимо это! — стонал Сва, катаясь по сбитому одеялу и сжимая пылающую голову. — Опять одиночество, тоска смертная. Лави не вынесла. И Лю не выдержит. Где она сейчас?

Тут его остановила страшная догадка:

— Она уехала не ребёнка рожать, а умирать. К «олдам», к своему уроду — куда угодно. Она может сходу сторчаться — от overdозы. Надо ехать. Эх, и уделаю я этих подонков! Они за всё заплатят! А её заберу назад.

Сва надел тяжёлые туфли, снял часы на случай драки, открыл холодильник и глотнул ледяной водки. Засунул поглубже в карманы джинсов носовой платок, червонец на такси, ключи и выбежал из дома, даже не заметив, запер ли за собой дверь.

Вагон был почти пуст и шатался с сатанинским грохотом, будто опять мчался в преисподнюю. Сва не помнил, как оказался в метро, стоял, уцепившись рукой за поручень. Его корёжило от злости, тело шаталось из стороны в сторону, а в голове ходуном ходили мысли:

— Если бы не эти гумозы, мы с Лю были бы сейчас вместе. Была бы семья, нормальный ребёнок. Лави была бы жива. И сколько ещё таких, как она, загнанных от дури, как-нибудь выкрутились бы из своих заморочек, нашли бы друг друга и хоть капельку тепла. Много ли надо, чтобы ожить, даже после комы? Иногда один лишь поцелуй, одно слово... Или она к родителям поехала? Ведь взяла же с собой какие-то вещи. Значит, все-таки хочет жить, где-то, как-то... Был

бы у меня их телефон! Но я даже фамилии и отчества у неё не спросил, мы только собирались осенью расписаться. Свадьбу хотели устроить. Сначала обычную, для родни, а потом для друзей. Сколько было разговоров о хипповой мэридж, но с венчанием... И, правда, хорошо было бы обвенчаться в церкви. А теперь что?

Как тогда вместе с Лю, он вышел на «Пушкинской» и сразу побежал. Но чем дальше, тем меньше узнавал улицы и дома. Вспомнил, что они поднимались на третий этаж старой развалюхи, но вход был не с Бронной, а рядом, в каком-то переулке. Дверь подъезда была такая же, как все другие — облупленная от времени и поверху в несколько слоёв выкрашенная суриком. Сва поворачивал за один угол, за другой, останавливался перед разными домами, заходил внутрь и по затхлым лестницам поднимался на третий этаж. Бессмысленно было звонить в незнакомые двери и спрашивать незнакомых людей о какой-то Лю. И всё же он надеялся на чудо, продолжал искать ненавистную квартиру. Лишь около четырёх часов дня, обессиленный и изголодавшись, понял, что найти ничего не сможет. Из памяти начисто стёрлось всё, связанное со здешним проклятым местом. Если бы он знал, как это будет важно, не смотрел бы в её тревожные, любящие глаза, не восхищался бы летним летящим телом, когда они месяц назад полубегом неслись по здешним улицам к нему домой.

— Глупо. Предельно! Я только время теряю. Что же делать? Что-о-о?! — Сва пьяно мотал головой и проломным шагом шёл неведомо куда.

— Остаётся Масловка. Она вполне могла к «олдам» потащиться. Как раз за этой самой наркотой. Надо ехать туда,

срочно. С ними я быстро разберусь. Начисто разгромлю этот бордель! Нила в чучело уделаю, всё сожгу и с радостью пойду в тюрюгу.

У телефонной будки Сва остановился, с трудом вспомнил телефон Лилиан и приготовился звонить:

– А что сказать? Напроситься в гости? Если Лю там, она меня пошлёт. Да и не поверит ни одному слову. Нужно ехать и грубо прорываться.

Перед знакомым подъездом он сбавил шаг и невольно закрыл глаза:

– Ну, и гадкое место. Будто провалился в ту кошмарную ночь.

В лифте стал задыхаться, чего с ним никогда не было. Перед знакомой квартирой нарочно замер подальше от глазка, чтобы его не увидели, вдохнул, выдохнул и длинно позвонил. Сердце забилося так, что начали вздрагивать пальцы и кровь застучала в висках. Из глубины квартиры донеслось эхо звонка и всё стихло. На второй и на третий звонок так же никто не ответил.

– Ясно, уехали. На дачу, на море, в Азию – к своим урюкам...

Сва спустился на первый этаж и, разглядывая почтовый ящик их квартиры, с облегчением заметил множество газет, краешки которых высовывались из щели.

– Значит, Лю здесь нет. И то хорошо. Хотя, что хорошего? Где она сейчас? С ума можно сойти!

Когда, проехав под землёй полгорода, он вновь поднимался в свою квартиру, на миг показалось, что Лю дома. Вернулась и ждёт его, как ждала все последние недели. Перед дверью Сва замер, сжав ключ, настолько сильно было это чувство. Опять надрывалось в бешеном беге сердце. Он даже расслышал её лёгкие торопливые шаги – из комнаты на кухню – и прижался лбом к двери:

– Только бы ты вернулась! Какое счастье быть вместе, задыхаться от слова «люблю»! Сделай так, чтобы она вернулась! Ведь можешь... Я вместе с нею буду молиться о наших детях. Не пожалею учёбы, по-другому жить начну. Только бы мне сейчас её успокоить, убедить к врачам пойти, подлечиться, а там посмотрим. Это всё от отчаяния, от страха произошло. Теперь я не боюсь.

Но он боялся. Вместе с ключом прислонился спиной к двери, застыл, ловя малейшие звуки, и не решался войти. Пришла в голову нелепая мысль позвонить, и он нажал на кнопку. Никогда раньше Сва не слышал звонка в собственную квартиру и вздрогнул оттого, каким он показался громким. Но тишина оглушила ещё больше. Нажал опять, сморщился от боли в ушах. Позвонил ещё. И осел на пол у двери. Мысли обвалом летели в голове:

– Никого. Ушла насовсем. Я тоже ушёл. Все ушли из этой проклятой комнаты. Там всё умерло. Это теперь не жильё, а могила. Что остаётся? Трупом лежать на нашей бывшей кровати?... Лю, а знаешь, какое счастье умереть с тобой вместе? Раз мы не смогли вместе жить? Ведь теперь и жить и умирать придётся в одиночку. Хоть это ты понимаешь? Слезы катились по щёкам, проникали под майку, щекотали

грудь. Померещилось, что она мёртвая лежит в их комнате, и Сва дёрнулся, чтобы войти в квартиру, но тут же отбросил эту мысль и прижался затылком к двери.

– Тогда я буду её просто ждать. Если не смогу найти, если искать негде.

Лифт, который всё это время стоял на этаже, вдруг шумно сорвался с места и поплыл вниз. Потом где-то гулко хлопнулись двери, и кабина стала подниматься. Выше, выше. Неужели сюда? Неужели она? Но громыхнуло на другом этаже. Сва опомнился, встал и повернул ключ в замке. В квартире по-прежнему никого не было. Это стало ясно по тяжело нависшей тишине. Последние лучики солнца пробивались через угол кухонного окна и отпечатывали на стене рдеющую померанцевую полоску. Он шагнул в коридор и медленно открыл свою дверь. Мгновения хватало, чтобы внутренность комнаты, застывшая с утра, раскололась на тысячу кусков...

В неистовстве Сва стучал кулаком в стену, чтобы не видеть её последнего взгляда, не слышать последних слов:

– Это бред! Ты так не говорила! Не могла сказать! Я не читал этой записки, её нет! Есть только ты! Мы есть!

Обессилев, рухнул на кровать. Но тут же его подняла новая мысль. Пройтись по знакомым тусовкам и там распространить о Лю. Вдруг кто-то из хиппов в ближайшие дни её увидит. Оставалась лишь эта слабая надежда. Рядом с виском Сва краем глаза увидел на подушке длинный золотистый волос и прижал к губам.

...Дом на Бронной оказался совсем близко, он дважды пробежал мимо, но умудрился его не заметить. А теперь сразу узнал тот фасад из красного, потемневшего за столетие кирпича, взлетел на самый верх. Долго звонил во входную дверь, а когда начал с силой стучать, она беззвучно провалилась внутрь. Квартира была пуста, во всех комнатах виднелись следы разгрома, окна и двери были распахнуты настежь. Посреди спальни уцелела полусторевшая кровать, рядом валялись сотни окурков, от ног откатывались к стенам пустые пузырьки и бутылки, взметались облачка тонкой пыли. Пол был усыпан белым порошком, пахло руинами, заброшенной городской помойкой и ещё чем-то отвратительным, удушливым.

– Плеснюки, — догадался Сва, — дохлые.

Но крыс он не увидел, зато нашёл запертую дверь в ванную. Внутри горел свет и пробивался наружу через щели. Маленький крючок от рывка сорвался с петель. На ванной, свесив ноги наружу, сидел волосатый толстяк и в ужасе смотрел на Сва:

– Чмо! — ударом кулака он сбил его на пол и услышал крик:

– А-а! Лю умерла, её увезли в крематорий. Это я сделал, я. Её больше нет, — он катался по полу, и глаза его нестерпимо сверкали.

От этого взгляда в желудке началось жжение, и Сва пронулся. Сел на кровати. Помотал головой и облизал пересохшие губы.

Сергей Бирюков

доктор культурологии,
ДООС – заузавр
Галле, Германия

Продолжение темы № 3, 2011 г. «Сюр a la пюс»

Поезд Введенского

итак погружается поезд в ночь
в крики-лязги-скрипы
ладонь прижата к ладони
записка
колеблется сон
падает на рельсы
лунным бликом
отраженным
извне
поезд движется
или стоит

в остановленном времени
в непространственном
трансе
дрожит
расплываются пятна
на грязном вагонном стекле
это все из реальности
остальное
стальное
молчание крепнет
сетчатка схватывает
периферийные объекты
вбирает
и гасит
уже навсегда
змей поезда
вспоминаешь строку
и губы шевелятся
непроизвольно
репродуцируя тишину
медленную
как воздух
вязкую
как глина
острую
как лопата
стремительную
как смерть
поезд-поезд-поезд
папираса
в конце изгорания
бурый цвет огня
у самого мундштука
эстетика последнего часа
господи помилуй нас...

Владимир Стерлигов.
Портрет поэта
Александра Введенского
(1940).

Михаил Бойко

Идиот

В гостях у Ненастья Филипповны

XIII

Князь спросил Ненастью Филипповну.
 Генерал стал интересоваться.
 Ганя сухо, сдержанно, но совершенно откровенно рассказал все.
 Птицын заключил.
 Ненастья Филипповна молчала, не желая высказываться.
 Ганя тоже.
 Один Фердыщенко громко хохотал иногда неизвестно чему.
 Иван Федорович Епанчин заключил.
 Фердыщенко тотчас включил.
 Генерал сухо спросил.
 Фердыщенко пояснил.
 Генерал не утерпел.
 Фердыщенко ответил, ухмыляясь.
 Генерал вскипел.
 Фердыщенко подхватил.
 У генерала неосторожно вырвалось.
 Фердыщенко раз воскликнул и заключил, поглядывая.
 Ненастья Филипповна сухо заметила, появляясь вдруг перед князем.
 Говоря, она пристально всматривалась в князя, силясь хоть сколько-нибудь растолковать себе его поступок.
 Князь вдруг остановился и с необыкновенным волнением, спеша, прошептал ей.
 Ненастья Филипповна засмеялась.
 Она представила князя гостям.
 Тоцкий тотчас же сказал какую-то любезность.
 Все несколько оживились, разом заговорили и засмеялись.
 Фердыщенко закричал громче всех.
 Молчавший Ганя вдруг подхватил.
 Ганя высказал эту фразу чрезвычайно серьезно, без малейшей шутливости, даже мрачно.
 Князь ответил, покраснев.
 Фердыщенко закричал.
 Все громко смеялись.
 Птицын с отвращением вполголоса заметил.
 Иван Федорович промолвил.
 Семидесятилетний старичок учитель, беззубый и совершенно до сих пор молчавший, вдруг совершенно неожиданно проговорил.
 Все еще больше засмеялись.
 Старичок принялся, глядя на всех, еще пуще смеяться, причем жестоко раскашлялся.
 Ненастья Филипповна принялась тотчас же ласкать его, расцеловала и велела подать ему еще чаю.

Продолжение темы № 7, 2012
 ДООСТОЕВСКИЙ

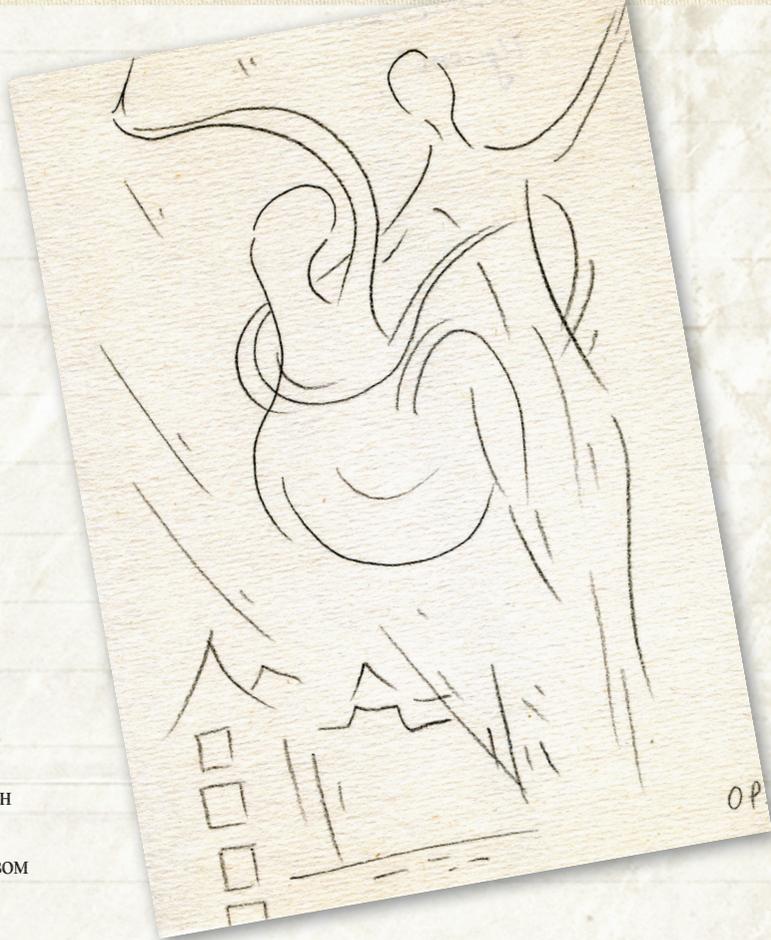
У вошедшей служанки она спросила себе мантилью и приказала прибавить еще дров в камин.
 Служанка ответила.
 Ненастья Филипповна вдруг пригласила.
 Бойкая барыня спросила.
 Ненастья Филипповна ответила.
 Тоцкий высказался, поглядывая на Ивана Федоровича.
 Ненастья Филипповна вдруг настойчиво и значительно объявила.
 Бойкая барыня сказала.
 Фердыщенко подхватил.
 Бойкая барыня спросила.
 Генерал сказал.
 Тоцкий сказал.
 Бойкая барыня заметила.
 Птицын отозвался.
 Ненастья Филипповна спросила и заметила, вдруг вся оживляясь.
 Фердыщенко подхватил.
 Некоторые возражали, но не очень, например Иван Федорович.
 Ненастья Филипповна была как в истерике, суетилась, смеялась судорожно, припадочно, особенно на возражения встревоженного Тоцкого.
 Молчавший юноша робко заметил.
 Фердыщенко ответил.
 Бойкая барыня включила.
 Фердыщенко повторил.
 Ганя спросил.
 Фердыщенко вдруг воскликнул в каком-то вдохновении.
 Тоцкий с достоинством спросил.
 Ненастья Филипповна с усмешкой заметила.
 Тоцкий продолжал, тревожась все более и более.
 Фердыщенко вскричал.
 Князь молча опустил руку в шляпу и вынул первый жребий.
 Фердыщенко вскричал.
 Ненастья Филипповна раздражительно и нетерпеливо приказала.

XIV
 Фердыщенко вскричал, начиная свой рассказ.
 Дарья Алексеевна отозвалась.
 Князь сказал.
 Генерал вступился.
 Дарья Алексеевна отчеканила.
 Ненастья Филипповна резко и досадливо проговорила.
 Дарья Алексеевна с отвращением сказала.

Афанасий Иванович заметил.
Ненасья Филипповна спросила, не скрывая самого
брезгливого отвращения.
Фердыщенко захихикал.
Ненасья Филипповна вскричала.
Афанасий Иванович лукаво спросил.
Птицын решительно сказал.
Ненасья Филипповна обратилась и заключила,
рассмеявшись.
Генерал с жаром вскричал.
Все еще несколько смущенный Фердыщенко осмелился
заметить, ядовито улыбаясь.
Генерал начал.
Фердыщенко заключил.
Ненасья Филипповна небрежно проговорила.
Генерал с любезным смехом спросил и не без
самодовольствия отпил шампанского.
Афанасий Иванович начал тихим, любезным голосом один
из своих «милых рассказов».
Афанасий Иванович начал с необыкновенным достоинством
и примолк с тем же солидным достоинством.
Фердыщенко вскричал плачевным голосом, понимая.
Чуть не торжествующая Дарья Алексеевна отрезала ему.
Ненасья Филипповна небрежно вымолвила.
Генерал с жаром одобрил.
Ненасья Филипповна вдруг резко и неожиданно к нему
обратилась.
Князь спросил замирающим голосом.
Ненасья Филипповна продолжала по-прежнему резко,
твердо и четко.
Князь как будто силился и не мог выговорить.
Наконец он прошептал и с усилием перевел дух.
Ненасья Филипповна властно и как бы торжественно
обратилась к нему.
Афанасий Иванович дрожащим голосом проговорил.
Генерал произнес убеждающим, но встревоженным голосом.
Ненасья Филипповна продолжала, с удивлением
вглядываясь в гостей.
Тоцкий, запинаясь, пробормотал.
Генерал пробормотал.
Бледный Ганя проговорил наконец дрожащим голосом
и с кривившимися губами.
Ненасья Филипповна вдруг оборвала.
Сказав это, она вдруг встала, желая уйти, но вскричала и
села сама.
Птицын пробормотал про себя.

XV

Ненасья Филипповна обратилась к гостям и перебила,
только что генерал обратился к ней с заявлением.
Генерал вскричал в припадке рыцарского великодушия.
Фердыщенко провозгласил.
Генерал успел наскоро шепнуть Тоцкому.
Афанасий Иванович лукаво отшепнулся.

Ненасья Филипповна спросила, пристально любопытно
оглядев Рогожина и указывая глазами на «предмет».
Рогожин ответил почти шепотом.
Ненасья Филипповна сказала, обращаясь ко всем с каким-то
лихорадочно-нетерпеливым вызовом.
Генерал укорительно произнес.
Князь дрожащим голосом выговорил.
Дарья Алексеевна вдруг не стерпела и даже в гнев вошла.
Ненасья Филипповна ей усмехнулась.
Рогожин вдруг проговорил – тихо, но с видом величайшего
убеждения.
Генерал всплеснул в истинной горести.
Ненасья Филипповна вдруг засмеялась.
Тоцкий с достоинством отпарировал.
Фердыщенко перебил.
Ненасья Филипповна с любопытством обернулась к князю
и спросила.
Князь прошептал.
Генерал пробормотал.
Ненасья Филипповна вдруг сказала, обращаясь опять к
Дарье Алексеевне.
Князь сказал, встал и дрожащим, робким голосом, но в то
же время с видом глубоко убежденного человека произнес.
Князь продолжал тем же робким голосом.
Генерал пробормотал.
Птицын спросил.
Князь молча, дрожащею рукой протянул ему письмо.
Генерал спохватился, смотря на всех как полоумный.

XVI

Птицын наконец объявил, складывая письмо и передавая его

князю.
 Генерал воскликнул, точно выстрелил.
 Все опять разинули рты.
 Птицын объяснил, обращаясь преимущественно к Ивану Федоровичу, и заключил, обращаясь к князю.
 Фердыщенко завопил.
 Лебедев прохрипел пьяным голосом.
 Почти ошеломленный от изумления генерал проговорил.
 Дарья Алексеевна крикнула.
 Ненастья Филипповна продолжала.
 Крикнуло множество голосов. Но хоть они и кричали и готовы были кричать, но многие из них, несмотря на всю странность обстоятельств и обстановки, почувствовали. А многие шептали друг другу.
 Генерал с ужасом шепнул, подойдя сбоку и дергая князя за рукав.
 Ненастья Филипповна заметила и захохотала.
 Но Рогожин всплеснул руками и прокричал князю.
 Кругом засмеялись.
 Дарья Алексеевна подхватила, торжествуя, и в негодовании повторила.
 Ненастья Филипповна обратилась к князю.
 Князь сказал тихо и с состраданием. И заключил, вдруг опомнившись, покраснев и сообразив.
 Умилившаяся Дарья Алексеевна провозгласила.
 Генерал вполголоса прошептал.
 Ненастья Филипповна проговорила.
 Лебедев отрапортовал из угла, а Рогожин только вздрогнул и смотрел во все глаза.
 Испуганная Дарья Алексеевна вскинулась.
 Ненастья Филипповна, хохоча, вскочила с дивана.
 Генерал повторял, вскидывая плечами.
 Князь простонал, ломая руки.
 Рогожин заревел, чуть не в исступлении от радости.
 Рогожин завопил в исступлении.
 Рогожин кричал.
 Ненастья Филипповна хохотала на него.
 Раздалось несколько голосов.
 Ненастья Филипповна схватила в руки пачку.
 Ошеломленный Фердыщенко отвечал.
 Ненастья Филипповна крикнула, схватила каминные щипцы, разгребла два тлевшие полена и бросила на него пачку.
 Кругом кричали.
 Генерал шепнул Птицыну.
 Бледный как платок и дрожащий Птицын прошептал, не в силах отвести глаз своих от затлывшейся пачки.
 Генерал приставал к Тоцкому.
 Тоже отчасти побледневший Афанасий Иванович пробормотал.
 Лебедев вопил, ползая на коленках перед Ненастией Филипповной и простирая руки к камину. И, провопив, пополз было в камин.
 Ненастья Филипповна закричала, отталкивая его.
 Ненастья Филипповна кричала Гане.
 Все ахнули.

Лебедев все еще вопил, опять порываясь вперед, но Рогожин оттащил и оттолкнул его снова.
 Рогожин повторял поминутно, обращаясь кругом к кому ни попало. Вскрикивал, не помня себя.
 Князь наблюдал грустно и молча.
 Фердыщенко было предложил.
 Кулачный господин сзади всех проскрежетал в припадке решительного отчаяния и вскричал, увидев пламя.
 Кричали все в один голос, почти все тоже порываясь к камину.
 Фердыщенко заревел, бросаясь к Гане в решительном исступлении и дергая его за рукав.
 Лебедев вопил.
 Ревели со всех сторон.
 Ненастья Филипповна крикнула, схватила каминные щипцы и выхватила пачку.
 Все свободнее вздохнули.
 Лебедев с умилением выговорил.
 Ненастья Филипповна провозгласила, кладя пачку возле Гани.
 Расплакавшиеся девушки спрашивали, целуя у ней руки.
 Генерал говорил, хватая князя за руку.
 Генерал вздохнул.
 Иван Петрович Птицын говорил.
 Афанасий Иванович с улыбкой ответил.
 И глубоко вздохнул.

Специально для ПО.
Ольга Лебединская
 ДООС – одуванчик
 (Днепропетровск, Украина).
 «Достоевский. Идиот».

Бруно Нивер
Париж – Москва

Песнь Космоса

Фрагменты из поэмы

Авторский перевод с французского.

I.
Кого предпочитаете вы?

На щеке Солнца нежность нежная любовь
Ярко-красные слезы в город падали
Капли, кричащие: погаси, сожми!
В сметенный Париж пролилась дождем любовь

Над городом в бреду жара давили
Облака пыли – миражи желанья вновь
Обезглавленности людоедства – любовь
На хвостах окрававленных сердец плыли

Лето – испугленье, желание вечности
Средь странной синевы воля жить и летать
Под прозрачным небом любить тебя и мечтать
И не думая, следовать чувственности
И не думая, подняться и улететь
Вдаль забываясь дать существованью излететь
На щеке Солнца нежность нежная любовь меня
чарует

А КОГО ЛЮБИТЕ ВЫ?
И ЧТО СДЕЛАЕТЕ ВЫ?

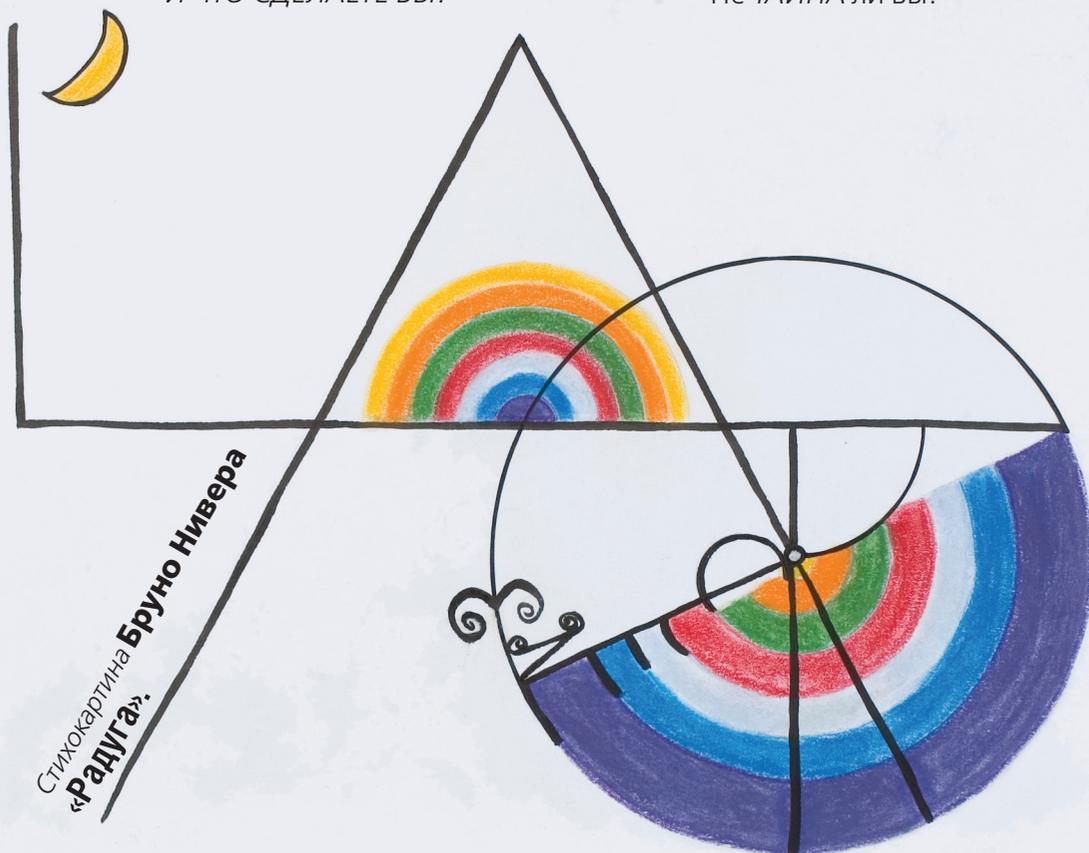

Продолжение темы
№ 5, 2011 г.
«КОЗМОЗГ»

II.
Ухо ли вы таинственной Ночи
Подвешенное к шее Небытия?
Марионетка раскинутая
В небо выброшенная
И четвертованная – между созвездиями
Огромный мрачный рот
Втягивающий всю Вселенную
И поглощающий свет

Или вы черное зеркало ночи,
Обезглавленная тайна алой звезды?
Или пронзительная звезда
Сквозь Вселенную падающая
Своим светом ее окрававливающая!

Не ТАЙНА ли вы?

Тень темень мрачных миров
Падающих секунд и мигов
Из глубины мглы
Черной как катакомбы
Звезды вдруг вспыхнули
Тьму схватили
Шею ее свернули
И в эфир взвизгнули

*ДОСАДНО, ЧТО НЕ НАДЕЛИ ВЫ
ФЕТРОВЫЕ ПЕРЧАТКИ ТАЙНЫ
ЧТОБЫ ЛАСКАТЬ ЭФИР
МЕЧТАЕТЕ ЛИ ВЫ ОБО МНЕ?
СКАЖИТЕ, КОГО ПРЕДПОЧИТАЕТЕ ВЫ?*

Солнце играло на флейте
И клавиш звезд в ТАЙНУ скатывающихся
касалось

III
Когда вращается мое сердце
Невесомостью расширенное
Как диск заброшенное, пуля выпущенная
И так отскакивает оно в своем беге
Через небо — от алмазных стен звезд
Когда пролетает моя монотонная идиома
Сквозь разноцветные звезды
О Луна приинкни своими прекрасными
Коралловыми губами
К огромному пылающему рту Космоса
Кричи о Луна во все горло кричи
Преданному тебе
Запрокинутой головой
К тебе обращенному
Верному поэту
В арену звезд ввергнувшемуся
Кричи эти стихи сатурналий
Мастерской рукой начертанные

О Геката
Пусть кони твои светящиеся мчат
Меж планет
И пусть мои стихи как стрелы
К краю небес протягиваются
В невесомости — соединительные черточки
Меж комет
И пусть твои стеклянные волосы
О столь красивые О столь высоко Луна
Развевающиеся
Через Вселенную стелются

Поэт-космонавт. Фото Сергея Борисова.

V.
Когда ракеты озаряя ночь
Над московскими крышами
Из глубины земли звезды вспыхнувшие
В Эфир взрываются
Рассеянными торпедами
И струясь по небу
Обливают его слезами
Заплескивая город
Намочив красками
В очи девчонки
Широко раскрытые
Улыбающейся от счастья
Я говорю:

Одно Солнце — красное
Одно Солнце — зеленое
И одно черное Солнце
И Земля опрокинута
Во взглядах твоих

Одно зеленое Солнце
И одно Солнце черное
И Земля запрокинута
В черных глазах твоих
Пронзаемых золотыми кометами

Дмитрий Цесельчук

«ГОЛУБОЙ АНГЕЛ» ШАГАЛА

Марьяне Д. и Андрею С.

К букету склонился ангел,
у ангела белые крылья,
а платье голубое,
и рыба плывёт на крыле.
Глядит из окна кошка,
окно закрыть позабыли,
и кошка глядит на рыбу,
а рыба плывёт на крыле.

Лицо у ангела длинно,
а платье старинного шёлка,
холодное, голубое,
и рыба плывёт на крыле.

*Продолжение темы
№ 4 2013 «Из рам!»*

Хотел я пройти мимо
странной картины и вижу,
крадётся к окну кошка,
а рыба плывёт на крыле.

К букету склонился ангел,
у ангела белые крылья,
а платье голубое,
и рыба плывёт на крыле.
Глядит из окна кошка,
окно закрыть позабыли,
и кошка глядит на рыбу,
а рыба плывёт на крыле.

Илья Семенович Семенов-Басин

доктор исторических наук

парикмахерская М. Ларионова

сокращает Площадь Революции до невразумительного плочи
Воробьёвы Горы до чёрного слова воры
отцы!

какие могут быть ещё у нас разговоры!
зеркало – вот

переходим к действию
рук не ободрав, не сварив
Вия недоразумеваемого причешу и завью
великовыйной Яге уста затворю, кровь отворив

красный боец

тёмные дома победы – – в боковом освещении
профиль-треугольник
вперёд вперёд
у него глаза узкие или наши?
пространство огня освобождает молитвами громких ЗАЧЕМ
сетевые сифилисы и шпионажи
и придут к победе -ического труда
по мостовой голов
революционеры не занимались никогда ничем
кроме здоровых горячих углов
что есть солдат? профиль на стене – – фреска, написанная охрой

Вышел из рамы специально для ПО провинциальный
франт **Михаила Ларионова.**

Марина Розанова

Старая песня цыганская, снетая...

У цыган так принято – чтобы бабы тяжести на себе тащили. А тот Цыган был особенный. Не хотел он никому свою ношу отдавать – накопил огромный мешок чего – неведомо, прислонил к сарайчику, а сам делом занят – коней ворует. Цыганки всякие круглобедрые, пышногрудые, в самом соку, на выбор приплясывают вокруг него. «Эй, – кричат, – Цыган, кому мешок свой доверишь тащить? Выбирай, не томи». Цыган ими не брезгует, с красавицами поигрывает, только волю давай. Внутри себя в усы усмехается, отмалчивается. «Никто, – думает, – никогда, – думает, – не узнает, – думает, – что в мешке моем собрано».

Шел как-то мимо табор веселый, песенку цыганскую напевали «ай- нэ-нэ, нэ-нэ, данай, да раз дану данай». Цыганочка среди них была маленькая такая, пляшет, плечиками трясет, монистами позванивает. Вся в пыли степной, неприметная, но озорная, и юбочка на ветру колышется. Цыган просто так, под настроение, возьми да и пошути. «Раз, – говорит, – дану?» – и подмигивает. «А, – еще раз подмигивает, – данай?» Расхохоталась Цыганочка так залиристо, и екнуло что-то в душе у Цыгана. Были у него туфельки припасены краденые, такой красоты, что ни одна цыганка не нашивала. Выменять думал их Цыган на коня очередного, но тут, поддавшись незнамо чему, протянул он их Цыганочке. «На, – говорит, – надевай, – говорит, – носи, – говорит, – что тебе, – говорит, – ногами босыми, – говорит, – по полям-дорогам скитаться»

Загорелась вся изнутри Цыганочка. Не видела она никогда ни туфелек таких дивных, ни доброты такой к себе ни от кого. И спела она тогда для Цыгана песню особую, из глубин, потаенную, протяжную, от которой у Цыгана сердце защемило болью какой-то неведомой, болью сладостной. «Вот, – говорит Цыган Цыганочке, – мешок мой заветный, бери», – говорит, – и тащи, – говорит, – на гору, – говорит, – с названием «Будущее». Посмотрела Цыганочка на мешок озадаченно. Ни мешок ей не нужен был, ни что такое «Будущее» не знала она, но Цыгану ни в чем уже не могла перечить. «Хорошо, – говорит Цыганочка, – вот только болезнью я странной заболела: пить я могу только ту воду, которую ты мне в кувшин нальешь». «Да что за премудрость – дело нехитрое», – сказал Цыган, налил ей кувшин с водой и ушел по делам своим – коней воровать.

Выпила Цыганочка тот кувшин, вода закончилась, а Цыгана все нет и нет. Бабы из табора подносят ей воду, нет, не может Цыганочка проглотить ни капельки. Все бледнеет от жажды и бледнеет, и задыхается. И запела тогда Цыганочка песню тревожную, за три версты услышал Цыган

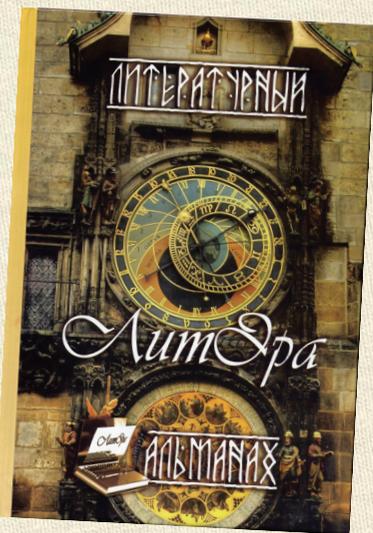
голосок знакомый, примчал на коне, отпоил Цыганочку умирающую. Ожила Цыганочка, повеселела. Цыган опять собрался в путь. «Ты, – говорит, – Цыганочка, в Будущее с мешком моим двигайся, а я тебя вот о чем попрошу тебя, по-доброму. Ты меня, Цыганочка, понапрасну песнями не тревожь. Ты мне все песни споешь там, в Будущем». И ускакал по делам своим, цыганским. А кувшин с водой забыл налить. Не очень он думал о странной болезни Цыганочки, все больше о мешке своем да о Будущем. И опять без воды стала умирать Цыганочка, и никаких сил на мешок цыганский у нее не было, а звать себя запретил ей Цыган. И затянула тогда Цыганочка песенку свою последнюю, щемящую, горести такой предсмертной, что дождь с неба полил от её пронзительности. Напилась вдруг Цыганочка водой небесной, встала на ноги. Туфельки дареные с ног сбросила и пошла с табором, босая, прежней дорогой, напевая, да приплясывая. Но Цыгану она напоследок песню пропела:

«Ай дану, дану, Цыган, забери ты свой мешок. Раз дану, дану, Цыган, не хочу я знать, что ты там. Ай, нэ-нэ, нэ-нэ, Цыган, да и ты не знаешь сам. Ай, дану-дану, Цыган, и неинтересно мне. Ай, нэ-нэ-нэ-нэ, Цыган, будешь дорог мне всегда. Потому что ай, нэ-нэ, ты мне песню дал пропеть. Ай, нэ-нэ, нэ-нэ, Цыган, Будущего никакого нет. Песни есть, нэ-нэ, Цыган, и поля нэ-нэ, Цыган. Дождь, нэ-нэ, Цыган, польет, а вот Будущего нет, раз дану дану данай, никакого – никому. Только, ай, нэ-нэ, Цыган, небо звездное над нами, да нэ-нэ-нэ-нэ, Цыган, – нравственный закон внутри».

Вышла из рамы специально для ПО
цыганка **Н.Ярошенко** (1886 г.).

ЛитЭра.

Литературный альманах
№ 7 (по материалам
4-го Международного
фестиваля «Славянские
традиции»). М., 2013.
Главный редактор
И.Силецкая.

Литературный Казантип.

Сборник поэзии и
прозы. – Минск,
Литературный свет,
2013. Редактор
А.Раткевич.

А.Бесперстных. Афоризмы
о литературе и творчестве.
– Новополоцк, ПГУ, 2013
(Библиотека «Полоцкая ветвь»)

*

Художник первородный –
Всегда трибун.
В нем дух переворота
И вечно – бунт
Андрей Вознесенский

*

Поэт в России больше, чем поэт.
Евгений Евтушенко

*

Поэзия – вершина бытия.
В поэзии ты на верном пути, если упираешься в стенку.
Константин Кедров

*

Все художественное эстетично, но не все эстетичное
художественно

А.Ф.Лосев

В эти книги входят произведения ДООСов
и авторов ПО.

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

Замок стрекоз

Перевернутый мир
Отражается в зеркале слез
Я за миром замер
В многомерных зрачках стрекоз
Я открыл крылья прозрачные как слюда
И взлетел
Мой полет не оставил в небе следа
Стрекозиный канкан
Дробится в крылышках колких
Как разбитый стакан
Отражаясь во всех осколках
Все дробится все отражается и дрожит
Это дрожь и полет стрекоз
Продолжают жизнь
Если плачут стрекозы
Возникает из этих слез
Прозрачный замок стрекоз

Елена Кацюба

ДООС – libellula

Выйди из моря ночи
и войди в ночь моря
В небе звездные личики
в море – светлячки
Они плывут на тепло тел
липнут к телу
светящимися чешуйками
и мы в теле моря плещемся
в плащи молочно-звездные закутаны
запутаны в извивы волн
излучаем сиянье
Войди в море ночи – сияй лучами!
...только не заплыви нечаянно
из моря в небо
иначе –
погаснешь утром
вместе со звездами

Авторитетная Российская библиотечная ассоциация рекомендует библиотекам, какими периодическими изданиями комплектовать свои фонды. А также отмечает качественные СМИ знаком отличия «Золотой фонд прессы». В их числе «Журнал ПОэтов».

Внимание!

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал ПОэтов можно:

- во всех почтовых отделениях;
- в подписных агентствах и их региональных представительствах

Стоимость подписки на 1 месяц:

105 руб. 60 коп.

ПОдписной индекс: 81745

«Журнал ПОэтов»

Учредители

ООО «Эхо планеты»,
Константин Кедров, Елена Кацюба
Идея журнала и творческая концепция группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства»

Главный редактор
доктор философских наук
Константин Кедров

Директор издательского проекта
кандидат исторических наук
Эльмар Гусейнов

Редакционный совет

Е.Кацюба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков — доктор культурологии (Германия);
А.Бубнов — доктор филол.наук; профессор В. Вестстейн (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий — доктор геолого-минералогических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); В.Нарбикова;

Арт-директор — Игорь Маркин
Макет номера — Елена Кацюба

На 1 стр. обложки —
монотипия Константина Кедрова

Перепечатка материалов только с разрешения редакции.
Тираж 4000 экз.

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

Цена свободная.
Номер подписан в печать 30.09.2013
Отпечатано в ООО «Графика» в Москве.

Адрес редакции
125009, Москва, Тверской бульвар, д.12 стр.1
Телефоны:
(499) 791 0398 — для справок
(499) 791 0403 — распространение
(499) 791 0409 — факс

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru
e-mail ekho@ekhoplanet.ru

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на **81745**
журнал (индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания) | количество комплектов

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(Фамилия, инициалы)

Дооставочная карточка

на **81745**
ПВ место литер журнал (индекс издания)

журнал ПОэтов

(наименование издания)

СТОИМОСТЬ | подписки | руб. | коп. | количество |
| передислокации | руб. | коп. | комплектов |

на 2013 год (по месяцам):

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

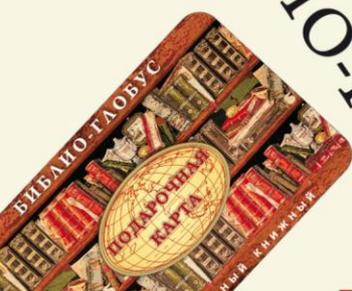
Кому
(Фамилия, инициалы)

Из архива ПО

Световая инсталляция ДООСа в Москве на Тверском бульваре под дубом Пушкина в день рождения поэта 6 июня 2013 г.

Маргарита Аль (автор инсталляции), Елена Кацюба, Константин Кедров. Фото Бруно Нивера.

БИБЛИО-ГЛОБУС

56 лет

Ваш Главный Книжный

БИБЛИО-ГЛОБУС

Более 200 тыс. наименований книг

Электронные книги и ридеры

Антиквариат и предметы
коллекционирования

Фильмы, музыка, игры, софт

Канцелярские и офисные товары

VIP - обслуживание

Услуги по формированию
библиотек и коллекций

Доставка книг из-за рубежа

Читательские клубы по интересам

Подарочные карты

Интернет-магазин www.bgshop.ru

**Услуги туроператора
«Библио-Глобус» www.bgoperator.ru**

Билеты в театры, на концерты

Детский клуб «Библиоша»